

Виталий Куклик

# ВОЛЧИЙ МОХ



16+

Виталий Кулик

**Волчий мох**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Кулик В. Е.**

Волчий мох / В. Е. Кулик — «ЛитРес: Самиздат», 2018

19 век. Белорусское Полесье. В урочище Волчий мох совершаются жуткие убийства. Раны на теле жертв свидетельствуют, что ни человек, ни зверь такого совершить не могли. В преступлениях обвиняют бедняка Ефимку Асташова. На помощь к нему приезжают Прохор Чигирь и его жена Янина – сильная знахарка. Вместе с ними прибывает опытный полицейский. Тайна проклятого урочища приоткрывается, вводя всех в ужас: в убийствах явно просматривается след волколака!..Продолжение романа "Ведьма полесская".Обложка оформлена автором.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

## Глава 1

Зима в этом году выдалась на удивление ранняя. В окошко ещё не постучался Варварин день, а снежный покров уже успел схватиться крепким морозцем, который, похоже, и не собирался ослабевать. Один из дней в эту пору выдался на редкость мгlistым и холодным. Стужа сковала туманную дымку морозом и никак не хотела уступать свою пленницу ни ветру, ни солнцу. А самой дымке такое пленение пришлось по нраву, и она, сговорившись с низкими рваными тучами, с завидным упрямством силились вместе заслонить ясный взор солнцу. И это весьма неплохо удавалось маревой смычке!

Солнечный круг потускнел, стал бледным и выглядел, словно огромный мутный глаз без зрачка. Неустанно заглядывая в прорехи среди туч, это око-бельмо всё старалось разглядеть, что же там, на грешной земле, так усердно пытается скрыть загадочная мгла...

Беспокойство охватило солнце, сильное беспокойство. С начала мироздания оно надёжно стояло на страже добра и света, но сейчас в дозоре содеялось что-то неладное: даже днём, не таясь, Зло норовило показать себя, лихой удалю взыграть! И всё бы ничего, солнечному свету не впервой изгонять тёмные силы, да вот беда: слишком часто ярым сподвижником Зла оказывается... Человек!

А морозная дымка уже просто дышала тревогой...

Далеко за полдень дремотную полесскую деревушку Берёзовку взбудоражили надрывные крики мужиков. Поднятый переполох всполошил сельчан, и они горохом высыпали из хат кто в чём был. Взорам людей предстала странная картина: по улице, обезумев от страха, металась лошадь, запряжённая в сани-розвальни. Вскидывая морду и порывисто дыша, она дико шараялась по сторонам. Однако выработанная за годы привычка всё равно вела её домой: через Берёзовку на Буслаев хутор.

Но людей больше поразило вовсе не странное поведение напуганной лошади! На санях, судорожно вцепившись в боковой отвод и низко скрючившись, сидела Лукерья Буслаиха, женка довольно зажиточного крестьянина Степана Буслая. Этот хуторянин не только умел работать и деловито вести хозяйство, но и знал толк во многих других делах, сулящих выгоду. Таких, как он, крестьяне называют забористым словом «хваткий». Да вот только на этот раз хватка, видать, не сработала: раскинувшись в неудобной позе, мужик лежал на санях и, похоже, был мертвецки пьян. А ведь они на ярмарку ездили, продавали там что-то и наверняка возвращались не с пустыми карманами. И чтобы Буслай, имея на руках гроши, напился! – выглядело это ой как странно! Да и вообще всё было странным: перепуганная лошадь, пьяный Буслай и... словно полоумная его женка.

От одного вида Лукерья селянам становилось не по себе. Вид у бабы был куда более бедственный, чем у застрашанной лошади. Хустка с её головы где-то по дороге слетела, и длинные раскосмаченные волосы развевались, словно полотнище зловещего вылинявшего стяга.

Вдалеке за санями бежали два мужика, живущие на краю деревни. Это они первые заметили ошалевшее животное и, заподозрив неладное, подняли тревогу. За ними, сильно прихрамывая, ковылял местный хлопец Ефимка Асташов. Мужики неистово махали руками, взывая остановить лошадь. Многие сельчане дружно бросились ей наперерез. Но, приблизившись и разглядев, что на санях, кроме ополоумевшей бабы, лежал вовсе не пьяный, а, скорее всего, мёртвый её мужик, терялись и убавляли прыть.

Но вот кому-то всё же удалось остановить злосчастные сани, и полешукам – жителям Полесья – предстало и вовсе жуткое зрелище.

Лукерья, блуждая диким взглядом, явно ничего и никого не замечала. В исступлении она раз за разом всхлипывала и глухо стонала. Временами её стенания вдруг перерастали в

жуткий вой, от которого даже мужики содрогались и спешно крестились. Да и как тут не перекреститься, коль перед глазами ещё и... мертвец.

Да, Буслай был мёртв! Тело лежало в необычной позе лицом вниз. Правая рука как-то неудобно вывернута за спину, а левая, судя по изодранной кисти, всю дорогу тянулась по снегу. Такого никому из берёзовчан видеть ещё не доводилось! Но самая жуть красовалась на голове несчастного...

Череп на затылке был проломлен, а большой полусодранный в этом месте лоскут кожи с волосами отвалился и словно тряпка лежал на воротнике добротного кожаного, изрядно запачканного кровью. На тёмном фоне сена и одежды осколки черепа ярко рдели светлым кроваво-розовым цветом. Издали у раны было потрясающее сходство с огромным распустившимся цветком мака – свежим, сочным и... зловещим.

Толпа застыла в тяжёлом безмолвии. Не холод жалил тела людей, а неопикуемый животный страх леденил им души. И только взгляды были как никогда суматошные: в них играл бесноватый интерес! Пристально пялясь то на Лукерью, то на распластанного Буслая, глаза людей как будто нарочно выискивали самое отвратное.

Оторваться от жуткой картины было трудно. Так уж устроен человек: любопытство зачастую бывает сильнее страха. А если ещё и всем миром стоять, то какой уж там страх! Каждому хотелось самому всё узреть, а не слушать потом чьи-то рассказы. И стояли селяне на морозе, накрепко замороженные страшным зрелищем.

– Неужто Буслая зашибли? – спросил у односельчан только что подбежавший Панас, деревенский маловёр и любознательный пройдоха. Мужик бестолковый, зато на язык дюже едкий.

– Видать, из-за грошей... Буслай-то с ярмарки никогда пустым не вертался... – тихо раздалось в ответ.

– Точно... Кто-то разбой учинил на дороге.

– В наших краях разбойников отродясь не бывало. Ну, из-за межи иль по пьяни мужики сцепятся – это понятно. Но вот чтоб до смертоубийства – упаси боже, – шёпотом переговаривались крестьяне.

Люди терялись в догадках: чья же это лихая рука сотворила такой смертный грех?! Для тихих и спокойных полешуков душегубство было невиданным злодеянием. И вот нате вам – дикое и загадочное смертоубийство! Не понаслышке! Не где-то там, в дальних краях, а здесь, под самым боком и наяву!

С порывистым силным дыханием к саням подбежал один из мужиков, которые первыми подняли тревогу.

– Ну что тут? – запыхавшись, спросил он.

– Да вот, сам глянь, – ответил кто-то, уступая место ближе к саням.

– Ох, ты ж, твою мать, – содрогнулся мужик. – Жуть-то какая...

– А яны-то через Вовчы мох ехали... Другой жа дароги у нас нема, – со страхом произнёс Панас, и все сразу поняли его намёк.

Слова Панаса взорвали толпу горестными возгласами и всхлипами. Селяне загудели, с тревогой начав обсуждать свалившееся на них лихо...

За урочищем Волчий мох издавна закрепились дурная слава проклятого места. Люди считали, что там обитает нечистая сила! И если в урочище начинала твориться чертовщина, то чаще всего это был не единичный случай. Порой нечисть так буйствовала, что селяне надолго забывали покой. Старики говорили, что даже целое поколение могло вырасти, с опаской оглядываясь на проклятое место. Но бывали и тихие времена, когда вдруг ни с того ни с сего возьмёт да и сгинет куда-то непонятное лихо. И тогда тишь да блажь тоже могли длиться несколько лет кряду. Вот такое затишье, похоже, и закончилось! Да ещё как! Душегубством!

Откуда на урочище свалилось проклятье и сколько это длится, даже никто из стариков не мог припомнить. Но жило поверье, что в Волчьем мху давным-давно произошло страшное событие из числа смертных грехов, вот с тех пор там и завелась нечисть. Старожилы лишь припоминали какое-то предание о любви молодого шляхтича к цыганке-красавице, но что именно в нём говорилось, ветер времени всё унёс.

Хоть и происходили раньше в Волчьем мху странные явления, да всё как-то обходилось одними страхами. Бывало, конечно, что скот пропадал в этом месте, а после люди находили лишь растерзанные их трупы. С виду раны были похожи на волчью работу, но... это только с виду. Уж как-то странно волки пировали над добычей! В страхе крепко дивились тогда сельчане, да на волков всё и списывали. А на то, что у крупных животных иногда были переломаны ноги или хребет, люди для своего спокойствия закрывали глаза, вернее, притворно делали вид, что в этом нет ничего необычного. Да мало ли от чего может быть сломана кость толщиной с человеческую руку! Волки – да и всё тут! Однако в глубине души многие здраво понимали: волки такого сделать не могли, а вот волколак... Дальше продолжать такие рассуждения суеверные полешуки боялись.

И пусть бы в другом месте объявилось лихо – чёрт бы с ним! А вот то, что в Волчьем мху... Через это урочище пролегал единственный шлях, который выводил берёзовчан из плена болот и дремучих лесов. И теперь уж никто не рискнёт не то что в одиночку, а и малым числом отправиться по этой дороге. До этого старались ходить и ездить через урочище всё же по несколько человек, но бывало и в одиночку отчаянные головы появлялись там – всё тихо было. А теперь вот и это «было» сплыло!

Больше всех охвачен был страхом Яков, ещё недавно близко знавшийся с крайней нуждой и в отчаянии решившийся взять покос в Волчьем мху. Вот уже третий сезон заготавливал он сено на лугу в этом урочище – всё было спокойно.

Взбудораженная толпа продолжала судачить об участии Буслаев и о том, что за этим кроется. Крестьянам сейчас с превеликой радостью хотелось поверить в то, что разбойничье нападение на хуторян совершил кто-то из лихих земляков.

– Разузнать бы у Лушки, что и как там стряслось, – важно произнёс зажиточный крестьянин Демьян. – Да пана Ружевича надобно известить поскорее...

В любых разговорах Демьян неизменно норовил взять на себя роль старшего. Перед беднотой он полнился высокомерием и всем своим видом показывал, что местная гольтьба беспорточная ему и в подмётки не годится. По этому поводу односельчане частенько сетовали и говорили о Демьяне, что к нему и на кривой козе не подъедешь. Мужики могли, конечно, осадить его гонор, ведь в молодости этот новоявленный гаспадар сам был почти батраком. Но сейчас Демьян говорил по толку.

Меж тем Лукерья, скорчившись в три погибели и уткнув голову в сено, горланно икала, тело её вздрагивало.

– Вольга, попробуйте унять её, – сокрушённо обратился Демьян к пожилой сельчанке. – Бог даст, может, и скажет что...

Только теперь опомнившись, несколько баб кинулись успокаивать и укутывать несчастную.

Вскоре Лукерья перестала икать и стонать. Она то закрывала глаза, то отрешённо оглядывалась вокруг.

– Лушка, скажи, что стряслось-то? – не теряя надежды, спросил Демьян. Но тут же, видя безучастное состояние бабы, задал другой вопрос: – Ты признаёшь меня?

– Мне кажется, она сейчас и детей родных не признает, – ответил за неё мужик с краю деревни. – Надобно Асташонка порасспросить... Он из урочища, кажись, вместе с ними вылетел, да у самой околицы спятывшая Лушка и спихнула хлопца с саней. Как бы с ногой худо не было... Вон, еле ковыляет...

Все настороженно обернулись в сторону сильно хромящего хлопца. К страху березовчан вдруг с облегчением начала прибавляться и некоторая враждебность. Зная Ефимку Асташова как отъявленного бедокура, некоторым односельчанам, «пострадавшим» от его проделок, сейчас точно было бы в радость, чтоб виновником этого чудовищного преступления оказался именно он...

## Глава 2

Ефимка Асташов хоть и имел за плечами всего лишь чуть более семнадцати годков, но на его долю выпало столько испытаний и лишений, что и на семерых хватило бы. Несколько лет назад он и ещё двое младших детишек сполна познали всю тягость безотцовщины. А такое познание всегда тащит за собой и закадычных друзей своих – голод и нищету.

После смерти батьки на ещё неокрепшие плечи Ефимки по старшинству легло недетское бремя заботы о семье. Но не ныл и не жаловался хлопец выпавшему жребия, а вместе с матерью безропотно тянул лямку «крестьянского счастья». Ефимка старался, жилы рвал и с упрямым остервенением хватался за любую работу. Благо на мельнице в последнее время пришёлся ко двору, и мельник Домаш Евсеич сейчас был крайне доволен смышлёным работником.

У Ефимки была заветная мечта – стать небедным. Но не так-то просто выбиться в люди! По крестьянским меркам выбиться в люди – это стать самое малое хозяином средней руки. Сокровенная цель придавала Ефимке силы и упорства, и он крепился. А вот мать, похоже, надломилась. И сыну часто до отчаяния было горько за её тихие слёзы по ночам...

Настя, мать Ефимки, была из рода Чигирей, и сейчас она с радостным волнением отмечала, что сын как внутренне, так и внешне всё больше походил на их Чигирёвскую породу. Бывало, наблюдая за Ефимкой, она часто сравнивала его с Прохором в юности: и черты лица, словно у благородного шляхтича, и ростом и статью бог не обидел. Эх, вот только крайне беден парубок! Но зато глаза! Ясные синие глаза – несомненно, Чигиревские – так и притягивали к себе надёжностью. И взгляд этих васильковых глаз красноречиво говорил: от этого хлопца многого можно ожидать, но только не подлости. Это Настю, конечно, радовало, но и тревоге хватало места в материнском сердце: сын всегда был готов на отчаянный поступок, на который далеко не каждый может решиться. А ведь по молодости ухарской легко и дров наломать. Смелости-то у Ефимки не занимать, да и лихой удали не меньше, поэтому и верховодил он берёзовскими подростками. Верховодил да зачастую и проказничал вместе с дружками. Но к шалостям хлопца большинство односельчан относились с немалой снисходительностью, списывая всё на молодость. Сами ведь когда-то были такими.

Возможно, в бесшабашном озорстве Ефимка находил какую-то отдушину от беспросветных недетских забот, а порою и просто каторжного труда. Или, может быть, в проделках ему хотелось развеять наполнявшие его чувства отчаяния и горечи? Этого никто не знал...

И вот сейчас стоял этот парнишка перед толпой и робел как нашкодившее дитя. Отчаянная натура Ефимки была немало смущена от прикованных к нему десятков пытливых глаз, настороженных и почему-то как никогда недружелюбных. Это выглядело очень странно! У хлопца из головы не выходили обрывки жутких картин недавно увиденного, а тут ещё эти угрюмые взгляды односельчан!

«Чего это они все так набычились?! Вроде ж ничего не утворил! Лучше бы Буслаям помогли!» – мелькали досадные мысли, и Ефимка в смятении приостановился. О том, какие сейчас предположения ворочались в головах односельчан, ему и в кошмарном сне не могло бы присниться!

Установилось тягостное выжидающее безмолвие. Лишь две пожилые бабы продолжали суетиться возле Лукерьи. Истрепанной дерюгой они накрыли мёртвого Буслая, вернее, его верхнюю часть: спину и изувеченную голову. Перевернуть несчастного и взглянуть на лицо никто так и не решился.

Ефимка Асташов продолжал стоять поодаль, недоумённо хлопая глазами.

– Ну чего там застыл? Подь сюда скорее, не заставляй народ ждать, – властно произнёс Демьян.

Хлопец с опаской тронулся с места и, неуверенно сделав несколько шагов, опять замер.

– Ну, чего топчешься там? Иль возомнил, что не ты, а мы всем миром к тебе должны бежать? – распаялся Демьян, никогда не упускавший случая унижить бедняка. – Голота голотой, а всё туда же: упрашивай его...

– Зря ты так, Демьян, – тихо попробовал было вступить за хлопца один из мужиков. – Все мы в такой шкуре бедняков... А хлопец тоже, видать, страху натерпелся... Глянь-ка, у него и впрямь душа не на месте.

– Может, и не на месте, потому как вон чего натворил! – Демьян кивнул головой на сани. – И говори уж поточнее: не «мы» в шкуре бедняков, а вы! Я, слава богу, сбросил с себя эту шкуру.

Больше мужик ничего не сказал, промолчал. Ссориться с Демьяном ему не хотелось, мало ли. Поговаривают, что в старосты метит... А у хлопца и в самом деле противоречивая слава была. Да и в нужде вечной Асташонки живут, а ведь нужда-то эта так может за горло взять, что и до греха недалече. Но всё же не верилось заступнику, чтоб Ефимка Асташов пошёл на душегубство. Набедокурить, подраться – да, а вот на большой грех... Хотя... кто его знает. Как говорится, чужая душа – потёмки. Как бы то ни было, а селянское чутьё исподтишка шепнуло заступнику, что лучше уж помалкивать.

Ефимка наконец переборол в себе неуверенность и подошел к людям.

– Ну, рассказывай, – строго начал Демьян, – за что Буслаю темя разворотил? Небось на гроши позарился?

– К-какие гроши?! Какое т-темя?! Вы что несёте, дядька Д-демьян?! – аж заикаясь от возмущения, опешил хлопец.

– Ну, тогда рассказывай, что стряслось.

И Ефимка сбивчиво начал говорить. От сильного волнения речь получилась скомканной и слишком уж неправдоподобной.

– Брешешь, гадёныш... – усомнился Демьян. – Тень какая-то звериная, что-то мелькало, что-то пугало, а в итоге ничего не видел, ничего не слышал, и знать ничего не знаю! Так только в небылицах бывает. – Демьян сделал недолгую паузу и уже спокойно вынес своё умозаключение: – Кажется мне, всё ж придется тебе, хлопче, держать ответ за это злодеяние. А я уж постараюсь уверить в этом и урядника, и пристава, и пана Ружеви́ча, и всех, кого надобно...

Вот тут сердце Ефимки екнуло по-настоящему, и зловещая догадка испугом резанула по сердцу: односельчане сейчас всю вину свалят на его бедовую голову! А причину этого злодеяния даже и искать-то не надо. Вот она! словно бельмо на глазу – бедность! И ещё Ефимке вдруг стало ясно, что такой поворот наверняка устроит многих. Многих, но не его, Ефимку Асташова!

Да-а, это тебе, парень, не соседские гроши по ночам трясти и не могильный крест в полночь сооружать перед чьими-либо окнами из озорства. Тут уж недолго за чужое лиходейство и на каторгу, а то и на виселицу загреметь!

– Так я ж правду рассказал... Не я дядьку Буслая порешил... Вот те крест, истинную правду говорю! Я ж ... – наскоро перекрестившись, начал было оправдываться хлопец.

– Ты нам тут не прикидывайся набожным! Знаем мы тебя! – грубо оборвал его Демьян. – Дома-то жрать нечего, а голод не тётка! Любой нищий ради краюхи хлеба на воровство пойдёт, а за целковый небось можно и в темечко тукнуть... С кого-кого, а с тебя-то станется! Ты запросто такое можешь учинить! А?! Чего вытаращился да молчишь? Я кого спрашиваю, босяк христардный?! – с оттенком злорадства донимал Демьян бедного хлопца.

От таких слов у того речь и вовсе отняло. Ефимка испуганно моргал и с мольбою оглядывал односельчан. Неужели все они тоже верят, что он мог такое сотворить?!

– Людцы милые... – наконец с огромным усилием выдавил он из себя, – да вы что?.. Неужто и взаправду так думаете?..

Но... все эти «людцы милые» потупили взгляды и упёрто молчали. Хотя большинство берёзовчан и относились к хлопцу благосклонно, но сейчас многие предпочли бы, чтоб виновником оказался именно он! Из двух зол селяне хотели иметь меньшее. Наивные! Может где-то от искажения истины и был бы прок, да только не в этом случае. И что бы берёзовчане ни помышляли, зловещая действительность всё равно не изменится и никуда не денется! Но селяне, похоже, уже готовы были ради своего спокойствия бросить судьбине подходящую жертву – сироту Ефимку Асташова. И догадывались ведь: напрасная будет жертва!

«Дорогие» земляки неловко топтались, совестно бросая косые взгляды друг на дружку. А у хлопца комок обиды подкатывал к горлу.

– Дядька Петро, – в крайнем волнении промолвил он, – ну вы ж меня лучше других знаете... Не мог я такое сотворить... Ну что вы молчите?..

– Дык, а я што... Я ж ничога... – испуганно втянул голову в плечи Петро, крестный Ефимки. – Я ж на тебя ничога не говорю...

– Ты народ не сбивай! – строго прикрикнул Демьян. – Твоя песенка спета... Что ж, видать, такова твоя участь, Асташонок... Это уж кому как: одним из огня да в полымя, а тебе из голодницы да в темницу. – Демьян даже самодовольно ухмыльнулся от неожиданно получившегося у него острословия.

И Ефимка понял, что дело принимает слишком уж скверный оборот.

– Да ты не тарачись волком на меня! – не унимался Демьян. – Вон как глаза вылупил! Что, страшно на каторгу?! Вот поэтому и говорят, что у страха глаза велики.

– Ну отчего ж, – усомнился пройдоха Панас. – У поноса тожа вочы не меньше. И кому, Демьян, его лучше знать, як не табе?

В толпе нервно захихикали, ибо ни для кого не было секретом о частом расстройстве желудка у Демьяна. Демьян от такого намёка готов был лопнуть. А вот Панасу вдруг и вовсе показалось что-то подозрительным в доводах Демьяна.

– Вот чую адным местом, што хлопец тут ни при чём... – задумчиво произнёс он.

В поддержку Ефимки из толпы неожиданно раздался ещё и женский голос, обращённый к Демьяну:

– Степаныч, ты и взаправду не поспешал бы шибко... Тут надобно как след разобраться во всём... Людей почитаемых послушать... Чего пороть горячку, нехай кто-то поумнее нашего тут порассудит...

Демьян от удивления так и застыл с открытым ртом. «Дожился! – гневно подумал он и начал искать взглядом сумасбродную хамку. – Это что ж получается: мало того, что мужики норовят осрамить, так ещё ему, самому Демьяну Карнауху, указывает какая-то нищая баба! Рот затыкает! Да ещё и на слабость ума намекает!» Негодованию Демьяна не было границ. Наконец он отыскал взглядом невзрачного вида селянку и злобно уставился на неё.

– Я что-то не расслышал, кто это там твякнул, – противно притворным голосом произнёс Демьян. – Уж не ты ли это, Авдотья, решила сама поверховодить тут? А?! Ну так запомни раз и навсегда: ты мне не указ! – в последних словах уже без притворства звучала злоба.

Но, как оказалось, эта невзрачная на вид Авдотья была куда смелее многих согнувшихся здесь мужиков, и молчать не стала.

– Указ не указ, а Асташонок хоть и шалит по мелочи, зато в тяжкую годину скорее других на выручку придёт. И хозяйство тянет не хуже некоторых мужиков. А насчёт бедности, так кто ж виноват, что выпала ему такая доля...

Ефимка был несказанно удивлён. Какого-либо заступничества он меньше всего ожидал именно от таких тихих и незаметных селян, как тётка Авдотья. Для этой простой деревенской бабы он был никто. Так, при встрече «здрасьте-здрасьте» – и больше ничего. Как бы то ни было, а поступок тётки Авдотьи Ефимку ободрил.

А вот Демьян ещё больше взбеленился при напоминании о тяжкой доле Ефимки.

– У меня тоже такая доля была, да вот выбился в люди! – уже совсем не на шутку разошёлся мужик, не преминув, однако, лишний раз намекнуть о своём благополучии. – И не грабил никого! Всё своим горбом вытянул! А этот, – он ткнул пальцем в сторону Ефимки, – похоже, уже разбоем начал промышлять! Утробу-то надо чем-то напихивать! А де зимой чего добыть?! – Демьян обвёл перепуганную толпу многозначительным взглядом и сам же ответил: – Правильно: кистень в руку – да на шлях!

– Не надо хлопца в грязь топтать, – не унималась «наглая» баба. – По твоему соображению, Демьян, так нам тут всем разбоем надобно заниматься, потому как у всех утроба урчит от голода. Уж не думаешь ли ты, что все мы можем пойти на такое?.. Ну а насчёт того, как ты выбился в люди, так никто ж не забыл, как лучшие наделы земли тебе достались...

– Попридержи язык свой собачий! – Демьян для острастки даже слегка замахнулся на неугомонную бабу. – Кто другим не давал так поступать?

– Так ведь не каждый со спокойной душой может пустить чужих детей по миру с сумой... – тихо буркнула Авдотья, на этот раз, однако, сама испугавшись своей дерзости.

Демьян с нескрываемой ненавистью зыркнул на Авдотью, но промолчал, сочтя за лучшее быстрее замять этот разговор. Обведя всех прищуренным взглядом, он вдруг понял, что теперь далеко не все разделяют его соображение насчёт Асташонка. Но Демьян был мужиком изворотливым. Кто-кто, а уж он точно не лыком шит! Ему очень уж хотелось до прибытия полицейских самому разобраться в этом неслыханном преступлении. Тогда уж точно его запрямят в уезде, а может быть, и выше. А это шанс заполучить место старосты. Хотя, конечно, тут и от этого сброда будет многое зависеть, но Демьян надеялся, что будет как всегда: что сверху скажут, то и станется. Так что упускать свой шанс прославиться он не собирался.

– Сейчас сказ не обо мне вести надобно, – как бы смирившись с выпадом в свой адрес, важно начал Демьян. – Перед нами вон какое горе, и сейчас виновного надо шукать, а не былое ворошить... Не сама же Лушка дала мужику обухом по потылице<sup>1</sup>. А теперь вот и пораскиньте умишком: от кого, как не от Асташонка, можно ожидать такого?! Грошики-то у Буслая водились... да, видать, кому-то позарез они тоже понадобились... И тут покумекайте! До Рождества ещё три недели, а у Асташонков дома уже голодают, и в коморе небось хоть шаром покати. Ну... и чего ж всем вам не понятно?

От таких обидных слов дрожащее волнение хлопца вдруг переросло в клокочущую злость.

– Ты, дядька Демьян, говори да не заговаривайся, – неожиданно совсем по-взрослому жестко прозвучал голос Ефимки. – Ведь не секрет, что ты сам за грош готов удавиться. Так что не надобно других по себе судить.

Демьян чего угодно ожидал услышать от нищего сопляка, но только не такой дерзости.

– Ах ты, сукин сын! – прорычал рослый Демьян и решительно двинулся на хлопца.

– Что это у вас тут творится? – вдруг отрывисто, с силным от спешности дыханием раздалось позади всех.

Демьян остановился и оглянулся: к сгрудившейся толпе подошёл самый зажиточный и почитаемый среди всей округи крестьянин – мельник Домаш. Демьяна охватили противоречивые чувства: с одной стороны, он в душе непритворно обрадовался, потому как был убеждён в своей правоте и надеялся, что с Домашем Евсеичем они быстро выведут этого наглого сорванца на чистую воду. С другой же стороны, он знал о добром отношении мельника к этому голодранцу. Демьяна коробило, кода, бывало, Домаш нахваливал «злодея», будто в мельничных механизмах тот шибко разбирается! «Вот и гадай теперь: на сторону правды станет или начнёт Асташонка выгораживать!» – занервничал Демьян.

---

<sup>1</sup> потылица – затылок.

– Да вот, Евсеич, подивитесь на этакую беду, – Демьян первым бросился услужливо объяснять мельнику дикую суть произошедшего. Затем он проворно подбежал к саням и сам приподнял дерюжку с мертвеца.

– С ярмарки Буслаи вертались, да, видать, на свою беду, и подобрали этого злодея, – Демьян кивнул головой в сторону Ефимки Асташова, – вот и поплатились за свою доброту!

Подойдя вплотную к мельнику, Демьян ещё некоторое время полушепотом высказывал свои догадки ему на ухо. Тяжело дыша, тот в напряжении слушал, и лицо его мрачнело. Наконец Демьян громко, чтобы слышали все, произнёс:

– Я думаю, в первый черёд надобно известить пана Ружевича и немедля вестового отправить к уряднику. А как же ж без этого? Ещё, чего доброго, возьмёт да сбежит этот Асташонок – ищи тогда ветра в поле. Ну... и надобно бы спешно сход созвать.

Ожидая одобрения своей сметливости, Демьян заискивающе спросил у мельника.

– Я правильно мыслю, Домаш Евсеич?

Домаш, видимо, был в немалой растерянности. Не ожидал он такого! К большому огорчению Демьяна, мельник не удостоил его ответом. Он молча подошёл ближе к саням, угрюмо посмотрел на бездыханное тело, перевёл взгляд на Лукерью и лишь потом пожаловал Ефимку таким тяжёлым взглядом, от которого того непроизвольно передёрнуло. Это тебе не Демьян! В глазах Домаша Евсеича Ефимка ну никак не хотел выглядеть негодяем.

Домаша все считали мужиком справедливым, и в общении с ним крестьяне держались просто и почти на равных. И мельнику надо отдать должное, потому как сам он не особо разделял крестьян на бедных и зажиточных. Для него все селяне были почти равны. Эта черта в характере мельника беднякам нравилась, но в то же время они очень опасались попасть к нему в немилость: в голодное время только он мог дать хлеба в долг. Правда, мельник всегда имел с этого выгоду: долг возвращали на десятину больше, но чаще отработывали. С паном договориться на таких условиях было гораздо труднее.

Вот и не хотел Ефимка попасть к Домашу Евсеичу в немилость, потому как часто работал, а вернее, батрачил у него на мельнице. Домаш прекрасно видел бедственность семьи Асташовых и, как уже отмечалось, относился к Ефимке почти по-отечески, всегда давая ему за работу чуть больше условленного. Хотя и этому была причина: при ремонте мельничных механизмов Домаш только смышлёному Ефимке доверял больше, чем кому-либо из своих работников. Самому же хлопцу нравилось работать на мельнице, и теперь даже страшно было подумать, если его уже не пустят туда.

От того, поверит Домаш Демьяну или нет, во многом зависела участь Ефимки. Но Домаш всё молчал. Он находился в тяжёлом раздумье: со странностями в Волчьем мху у него были свои счёты! Довелось-таки мельнику столкнуться там с чем-то необъяснимым, и после пошла у него семейная жизнь наперекосяк...

Всё ещё испытывающим взглядом давя хлопца, мельник мрачно произнёс:

– Демьян верно сказал...

Эти слова словно обухом ударили Ефимку; у него даже мелькнула мысль немедленно бежать.

Но мельник продолжал дальше:

– ...к Ружевичу надобно. А пока полиция сюда доберётся, мы тоже всем миром поразмыслим, что да как. На санях ничего не трогать! Пусть урядник с приставом разбираются. – Обведя всех угрюмым взглядом, он вдруг спросил: – Есть охотники отправиться в волостную управу? Без принуждения чтоб...

Толпа невольно попятилась. Все, конечно, понимали, что без урядника, а то и самого пристава тут никак не обойтись, но теперь вряд ли кто согласится ехать через проклятое урочище.

– Мешок жита смелому перепадёт, – сказал Домаш. – Слово даю.

Насчёт твёрдости своего слова мельник мог бы и не говорить. Селяне ему верили и знали: козь пообещает, сдержит данное обещание.

– Тут, Евсеич, прикинуть бы надобно, – загадочно ответил Панас. – В одиночку щас ни в жисть охотников не сыскать. Нашто тое жито, кали можа статься, головы уже не буде. А на троих, а то и на пятерню мешок и делить нечего. Вот ежели б не в одиночку... и каждому по мешочку... тады...

Домаш пожал плечами и тихо произнёс:

– Не мне одному это надобно... Нет так нет. Пошли до пана, а там видно будет. Пушай он кого-нибудь из своих людишек пошлёт.

– Ага. Вот хотя бы Михея, – взбодрились мужики. – Он-то как раз подойдёт для этого – тот ещё колдун!

Случайное напоминание о Михее вдруг добавило толпе скверного чувства и сразу породило новые домыслы. Мельник тоже подумал о Михее, но вслух ничего не сказал. Глянув на Ефимку, он, казалось, чересчур уж спокойно для такого момента произнёс:

– Пошли. По дороге всё и расскажешь. Всё как на духу... – Обратив внимание на крайнюю взволнованность хлопца, мельник совсем мирно добавил: – Не робей. Коль нет вины, так и беспокоиться не об чём...

Мельник вдруг обвёл взглядом толпу и удивлённо обратился к Ефимке:

– Я гляжу, тут почти вся деревня... А мать-то твоя где?

– Так я ж её проводил до Ляскович, да и назад вертался, а тут вдруг это... В Лясковичах её дядька Василь встретил. К нему подалась....

– Понято. Пошли.

Мельник первый шагнул по направлению к панскому фольварку<sup>2</sup>. С одной стороны шёл Демьян, с другой – Ефимка.

Толпа ожила, зашевелилась и, как это часто бывает, инстинктивно сплотившись перед лицом беды, единым людским сгустком поплыла следом за мельником.

За всю дорогу Домаш всего лишь несколько раз перебивал рассказ Ефимки, уточняя некоторые подробности. Лицо его мрачнело...

Вскоре у ворот фольварка стояла почти вся деревня. Вспомнив о Михее, селяне малопомалу отодвигали Ефимку в своём подозрении на задний план. Теперь в приглушенных разговорах чаще слышалось прозвище Михей, и это ещё больше распаяло людское воображение. Одни начали вдруг верить в причастность к чудовищной беде странного Михея, весьма похожего на цыгана. Другие уверяли, что тут замешана сама нечистая. Третьи тихо говорили, что Михей и есть сама нечистая. А некоторым всё же очень хотелось, чтобы это всё было делом рук Асташонка.

В любом случае селянам сейчас просто необходимо было услышать твёрдое слово кого-то из властей или кого-то из более высокого сословия, будь то пан, урядник или священник. Люди ждали не просто веского слова – они ждали надежды, ждали защиты.

В панский дом со страшной вестью направился Домаш Евсеич.

Демьян, вдруг сообразив, что ему, как «важному лицу» на деревне, не пристало топтаться в ожидании среди бедняков, ринулся вслед за Домашем.

Притихшие селяне пристально всматривались во все строения панского фольварка, выглядевшего сегодня как никогда мрачно и пустынно. Где-то здесь находился странный Михей...

---

<sup>2</sup> фольварк – помещичье хозяйство, имение

## Глава 3

Дом пана Анджея Ружеви́ча хоть и принадлежал знатному сословию, но выглядел довольно неухоженным, начавшим неотвратимо приходить в обветшание. Ружеви́ч всячески старался сохранять следы былого преуспевания, но ни для кого не было секретом, что на поддержание должного порядка у некогда состоятельного пана попросту не хватало средств. Особенно в последнее время, когда его сын Зибор уехал в Вильно, успешно отучился и, казалось бы, удачно начал карьеру. Но...

С самого раннего детства панич рос в чрезмерной заботе. Уже тогда было заметно, что у него недюжинные способности к учёбе. Родители и знакомые предрекали мальчику большое будущее и слишком уж наигранно расхваливали за каждое выученное стихотворение или за верно выполненное арифметическое вычисление. Мальчик быстро уверовал в свою исключительность.

Зибору многое позволялось, многое прощалось, и уже к подростковому возрасту такое воспитание начало давать свои плоды: юный панич светился величием и высокомерием.

Время шло. Вскоре молодой Ружеви́ч без труда поступил в престижное учебное заведение города Вильно и едва ли не с отличием окончил его. Уж что-что, а учёба Зибору Ружеви́чу давалась легко.

Начав жить и работать в Вильно, панич поддался сомнительным соблазнам городского общества и начал вести довольно бурную светскую жизнь. Молодому Ружеви́чу и тут надо отдать должное, ибо он обладал завидным очарованием, что позволяло ему легко вращаться среди молодёжи высшего света Вильно. Зибор Ружеви́ч имел прямо-таки талант преподнести себя с наиболее выгодной стороны, и в любой компании он был желанным гостем и интересным собеседником. Благо и внешне панич был весьма привлекательным, что вызывало у многих знатных девиц неподдельный интерес. Однако эти достоинства только усугубляли его финансовое положение. Званные вечера, балы, ужины, а также молодёжные вечеринки, которые из светских зачастую переходили в разгульные оргии – всё это ненасытно поглощало деньги. Жалованья катастрофически не хватало. Выдумывая невероятные предлоги, сын всё чаще отправлял слёзные письма домой, моля отца о помощи.

Пан Ружеви́ч начал частенько отправлять деньги в Вильно. Но аппетиты сына росли – средств ему всё равно не хватало.

Дома в поместье тоже начались неполадки: то неурожай, то ещё какое-нибудь лихо. Росли недоимки, росла и задолженность пана Ружеви́ча по уплате налогов в казну. В имении, некогда большом и небедном, шёл сплошной разор, а с лошадьми панскими так и вовсе непонятная беда творилась: то болели и издыхали, то волки резали, а то и вовсе бесследно пропадали. Раньше такого никогда не было. Впрочем, и в семье Ружеви́ча тоже одна за другой случались всякие напасти, и в округе можно было частенько услышать, что на панскую милость наслано проклятие.

Кроме Зибора, у пана Ружеви́ча была ещё дочка Мария четырнадцати лет, которая вот-вот невестой станет. Да только у этой невесты и приданого-то, по большому счёту, ещё ни гроша ни нитки нет. А с таким положением дел, как сейчас, то и вряд ли будет.

Время шло. От сплошных неудач и забот старший Ружеви́ч заметно осунулся, постарел; он был на грани отчаяния, да и хватка уже не та. А из Вильно продолжали сыпаться письма с мольбой о «безотлагательной помощи». Но высылать уже было нечего, и сердца стариков обливались кровью: не могли они помочь родному сыночку, попавшему в очередную «страшную беду».

В фольварке настали самые трудные за всю историю рода Ружеви́чей времена.

Семья Анджея Ружеви́ча уже не жила, а, даже можно сказать, пыталась выжить на вотчине своих предков, в самом центре Полесского края – края рек, озёр, непроходимых болот, удивительной природной красоты и повсеместно процветающего колдовства. А к колдовству у вельможного пана было двойственное отношение: он с опаской относился к этому мистическому явлению и в то же время надеялся с его помощью возродить былое преуспевание рода. И для этого уже кое-что было предпринято, вернее, помог случай, сильно изменивший жизнь семьи Ружеви́чей...

Около двух лет тому назад случилось горе: где-то под Туровом при пожаре погибла семья его дальнего родственника пана Мирославского, с которым у Анджея Ружеви́ча в последнее время сложились особенно близкие отношения. Раньше они почти и не знали, но во многом схожая судьба сблизила двух шляхтичей. В общении они находили отдушину от постоянных невзгод и нависшей угрозы разорения. Откровенно делясь своими мрачными мыслями о настоящем и будущем, они чувствовали себя не такими одинокими в этой невесёлой действительности.

Как и что там у Мирославских получилось, достоверно выяснить не удалось. Было лишь известно, что в глухую ночь при пожаре сгорел их дом, похоронив на своём пепелище хозяев, спившегося взрослого сына и старуху ключницу. Чудом удалось спастись лишь пятнадцатилетней паненке, спавшей в ту роковую ночь во флигельке.

Девушку-сироту вместе с новыми заботами и ответственностью пан Ружеви́ч незамедлительно перевёз в своё имение в Берёзовку. Но ему пришлось ещё несколько раз ездить на Туровщину, чтобы оформить опеку над паненкой и продать разорённое имение Мирославских. Всё это требовало времени, денег и сил.

Гражина Мирославская – так звали молоденькую паненку – сразу нашла общий язык с дочкой пана Ружеви́ча Марией, и, обнаружив в характерах и взглядах много общего, они легко подружились.

И вот прошла последняя поездка на Туровщину. Дела закончены, бумаги состряпаны, подписи и печати поставлены. Ранним утром пан Ружеви́ч отправился обратно в Берёзовку.

Повозка неспешно катилась по туровской земле. Путь пролегал и через сам Туров.

Как уже отмечалось, в последнее время неудачи были постоянными спутниками пана Ружеви́ча. Вот и в этот раз неприятность не обделила вниманием своего избранника: до дома был неблизкий путь, а лошадь вдруг сильно захромала. Тут уж без человека, разбирающегося в недугах лошадей, не обойтись.

В Турове расспросы привели Ружеви́ча на площадь, кишевшую народом. Где-то здесь находился коновал<sup>3</sup>.

День был ярмарочный, и вокруг стоял привычный гул: горлопанистые торговцы бойко расхваливали свой товар; разносилось ржание, хрюканье, мычание и другие «протесты» попавших в непривычную обстановку домашних животных и птиц. Вокруг всё было заставлено бричками, телегами и колясками с различным товаром. Чего тут только не было! Бондари терялись среди своих дежек, бочек, кадок, всевозможных бочонков. Гончары зазывающе постукивали по глиняным горшкам и тут же подносили их к уху, слушая загадочное гудение. Шорники свысока глядели и на бондарей и на гончаров. Потрясывая в руках украшенными сбруями и похлопывая по новеньким хомутам, они ждали солидных покупателей. Возле даровитых резчиков по дереву народ всегда приостанавливался, но в основном, чтобы просто поглазеть. Были на ярмарке и ткачи с различным полотном, и булочники дразнили всех аппетитным запахом своей выпечки. И хотя настоящих покупателей было не так уж и много, зато шумного люду толпилось как муравьёв в муравейнике.

---

<sup>3</sup> коновал – лекарь-самоучка, занимающийся лечением лошадей.

Среди разношерстной публики нередко встречались и зажиточные люди. Но настоящих шляхтичей или небедных чиновников было совсем мало. Больше прохаживались люди лишь с притязанием на зажиточность: служащие и служивые в потёртых сюртуках и мундирах, бравые подпанки с пустыми карманами да высокомерные паненки в «изысканных» платьях, не раз перекроенных, застиранных и поблёкших от времени.

Народу на ярмарке тьма, но пана Ружеви́ча тогда интересовал лишь один человек – коновал. Найти его не составило большого труда: основной доход коновал имел прямо тут же, на краю базарной площади.

Сухощавый мужичок с подпаленной бородой ловко орудовал клещами, молотом и другим инструментом, меняя на крупном мерине подкову. Как оказалось, он ещё и в кузнечном деле мастер.

Пан Ружеви́ч вместе с несколькими зеваками некоторое время наблюдал за уверенными движениями мужика, пока тот не закончил работу.

Мужичок проворно спрятал в шабету<sup>4</sup> честно заработанные гроши и уставился на прилично одетого пана. Хитро оглядывая вероятного клиента, мужичок, казалось, уже наперёд прикидывал сулящую выгоду.

– Чего пан желает? – услужливо поинтересовался умелец.

– Лошадку посмотреть надобно... Что-то хромать вдруг стала. На переднюю ногу...

– Это мы мигом! – радостно заверил мужичок. – Тоже подковка небось сошла. Конику де?

– Да вон, – пан Ружеви́ч махнул рукой в сторону брички. – Сейчас подведу.

Мужичок бодро и со знанием принялся за дело. Но чем больше он старался определить причину недуга лошади, тем сильнее хмурился и громче сопел.

– Ну что там? – не выдержал пан Ружеви́ч.

Мужичок распрямылся и отступил на шаг от коня. Всё ещё недоумённо глядя на лошадиную ногу, он пожал плечами:

– Да чёрт его знает... С виду, кажись, всё в порядке. И подкова ладно сидит... Видать, вывих какой... а может, и ушиб крепкий вышел...

– Да нет... Не было вроде ничего такого. Дорога спокойная...

– Ну, тогда не знаю, – разочарованно развёл руками местный знаток живности, явно сожалея о сорвавшемся заработке.

Тяжко вздохнув, пан Ружеви́ч взял коня под уздцы и понуро повёл его прочь. Лошадь заметно припадала на ногу. «И тут невезение! – раздражённо подумал Ружеви́ч. – Ну сколько ж это может продолжаться?!»

Жизнь вокруг бурлила. Народ громко смеялся, настырно спорил, бойко торговался, а в душу пана Ружеви́ча лезла чёрная безысходность. Ссутулившись, он невесело отводил свою лошадку от коновала. И вдруг с другой стороны кто-то тоже взял коня под уздцы. «Что такое?!» – от неожиданности вздрогнул пан Ружеви́ч, а увидев рядом с лошадиной мордой чёрные цыганские глаза, дёрнул поводья на себя и раздражённо прорычал:

– Не продаётся лошадь! И не выменивается! П-пшёл прочь, собака! – и, чуть успокоившись, с досадой процедил: – Мне сейчас только цыганья и не хватает для полного счастья...

– Ты, панок, не горячись. Ежели желаешь, могу попробовать у твоей лошадки хворь скинуть, – спокойно сказал незнакомец и ласково потрепал коня по гриве. – Хороший конь. Жалко, если пропадёт... Видать, туго-то лошадкам приходится нынче на панской конюшне, а?

От удивления пан Ружеви́ч аж рот раскрыл. Он стоял совершенно ошарашенный и не знал, что сказать. Но зато он знал другое: свяжешься с цыганами – будешь обманут. А этот наглый чумазый не то что не внушал доверия, а и вовсе вызывал чувство опасности. Но вот

---

<sup>4</sup> *шабета* – небольшая поясная сумочка, обычно кожаная, для мелких вещей.

странность: казалось, он знает о напасти на панской конюшне. Хотя это, скорее всего, обычные плутовские штучки: скажут такие людишки что-нибудь отвлечённое, с намёком, а простак давай уже сами подгонять услышанное к своим несчастьям. Да ещё и диву будут даваться прозорливости провидцев!

На высказывание незнакомца Ружевиц ничего не ответил. Находясь в растерянном-ошеломлённом состоянии, он просто разжал руку, и лошадь покорно пошла за цыганом...

Сделав несколько шагов, тот обернулся и спокойно произнёс:

– Пойдем, панок. Тут слишком шумно и слишком много глаз. Мне нужна тишина... – Видя растерянность вельможного пана, цыган доверительно добавил: – Да не робей, ничего худого не будет... А уж лошадку и подавно не обижу. Во всяком случае, хуже уж точно не будет.

Под многочисленными взглядами Ружевиц, словно замороженный, поплёлся следом за цыганом. Когда он проходил мимо мужиков-зевак, до него донеслись едва различимые слова: «Ну всё, остался панок без коника...»

Но пан без коня не остался. Мало того, так перед ним предстала удивительная картина: мужик, похожий на цыгана, ласково разговаривал с лошастью как с человеком, и самое удивительное, казалось, что та всё понимала и покорно слушалась.

Новоявленный лекарь тоже внимательно осмотрел ногу лошади, потрогал ладонью то одно, то другое копыто, видимо, что-то сравнивая; затем он прощупал пальцами всю ногу, особенно на суставах, после чего несколько раз осторожно опробовал её на сгиб. Движения цыгана были уверенны и несуетливы. Наконец он поднялся с колена и ласково похлопал коня по холке.

– Ну... что скажешь? – спросил пан Ружевиц, готовый опять услышать неутешительный ответ.

Цыган повернулся к пану.

– С лошастью ничего страшного... небольшое растяжение в суставе.

– А чего ж этот, – Ружевиц кивнул головой в сторону коновала-коваля, ничего не определил?

– Видать, не дорос ещё до такого. При таком растяжении опухоль появляется не сразу, и не каждый может такое определить. Но лошадке сейчас нужен покой, тугая повязка. Хорошо бы студёной водицей сустав охлаждать... Поезжай-ка, панок, на постоянный двор – он тут рядом, сразу за церковью, – и хотя бы денёк повремни с дорогой. Всё будет добре.

– Ну, благодарствую, человек. А то я уж забеспокоился сильно за лошадку. Это теперь мой самый надёжный конь остался, – обрадовано заговорил Ружевиц и полез в карман за деньгами.

Цыган даже не улыбнулся. Он грустно посмотрел в глаза собеседнику и тихо сказал:

– Тебе, вельможный пан, не о лошадке сейчас беспокоиться надобно...

– Э-э... Что ты хочешь... этим сказать? – насторожился Ружевиц.

– О себе сейчас в самый бы раз побеспокоиться...

– Ты это о чём? – ещё больше напрягся пан, а сердце уже захолонуло, почувствовав что-то поганое.

– Да так... Кажется мне, что душа твоя, панок, в каком-то чёрном плену. Дела-то небось всё неурядицами оборачиваются? И в семье, видать, не всё ладно?..

Пан Ружевиц совсем растерялся: настолько неожиданно было услышать такую правду. Он внутренне сжался и осторожно спросил:

– Ты, судя по всему... что-то знаешь? Я имею в виду... ведовство.

Ничего не ответив, цыган пристально смотрел на собеседника. Его чёрный колючий взгляд, казалось, насквозь прожигал человека.

У пана Ружевица вдруг появилось противное чувство, будто у него в сознании копошится вор, перебирая его мысли и прихватывая то, что приглянулось.

– Меня Михеем зовут, – наконец ответил цыган. – А ты, панок, наверное, хотел сказать не «ведовство», а «колдовство»?

Тёмные глаза цыгана прямо-таки парализовали Ружеви́ча; поджилки в ногах дрожали; слова застряли в горле. На вопрос Михея он с огромным усилием сумел лишь утвердительно кивнуть головой.

Цыган загадочно ухмыльнулся.

– Я много чего знаю... И не только знаю, но и вижу многое, что другим не дано... И умею... тоже многое.

Совсем опешивший Ружеви́ч с беспокойством смотрел на страшноватого с виду мужика, скорее всего, цыганской крови. И вдруг, вытеснив из сознания все опасения, его озарила шальная мысль! Да, это идея! И эта дикая идея достойна того, чтобы попробовать воплотить её в жизнь! Другого такого случая может и не быть! «При нынешнем плачевном положении дел грех не попробовать... – лихорадочно соображал пан Ружеви́ч. – Вот только надо ещё кое-что выяснить... предложить... А вдруг и выгорит!»

Примерно через месяц в панском имении появился Михей. Пан Ружеви́ч был несказанно рад, что удалось уговорить этого цыгана поработать в фольварке. Хотя у него в душе и таилось некоторое опасение – он совсем ничего не знал о Михее, – но то, что этот человек был весьма необычной личностью, Ружеви́ч смекнул сразу. Ему и невдомёк было, что Михей при любом раскладе всё равно бы появился здесь...

Берёзовчане сначала недоумевали: зачем пану понадобился работник-цыган?! Да и был бы он толковый иль в ремесле каком непревзойдённый, тогда ладно. А так... Этого Михея и понять-то было невозможно: нелюдимый, себе на уме, кто он, что он и вообще, на что годен и на кой чёрт сдался Ружеви́чу – никто не мог взять в толк. Так что появление в фольварке цыгана все считали очередной неудачей пана, пустившего значительную часть состояния на такие же безрассудные, как казалось многим, траты.

Но прошло не так уж много времени и выяснилось, что Михей был отличным знатоком лошадей. За это он получил место конюха и в придачу кличку Цыган.

Для проживания Цыгану даже отвели отдельную комнату в господском доме, тогда как остальная челядь ютилась в людской, и спали некоторые прямо на полу, подстелив драный кожушок и укрывшись такой же дырявой дерюжкой. Это тоже вызвало у берёзовчан некоторое недоумение и воз всяких пересудов.

Но сколько бы в деревне не злословили, а на панской конюшне дела пошли на поправку. Цыган своё дело знал и к лошадям от природы питал любовь безмерную – иная баба детей так не глядит, как Михей своих подопечных. И ещё выяснилось, что он хорошо разбирался в хворях не только лошадей, но и прочей живности. Такому обороту селяне были не только удивлены, но и обрадованы.

В те времена почти в каждой крестьянской семье были целые россыпи детей. Их здоровью уделялось поверхностное внимание, отчего и умирали детки слишком часто. На это крестьяне, поубивавшись в горе, зачастую лишь сокрушённо кивали головой: «Бог дал, Бог и взял... Что ж тут поделаешь...»

Если вдруг дитя заболело, то, как правило, лечили сами всеми известными подручными средствами, а главное, бесплатными и доступными: травами, различными примочками, отварами да настоями. И если исход такого лечения получался печальный, селяне опять же, скорбно потужив, смиренно сетовали: «На всё воля Божья».

А вот если в хозяйстве заболели рабочая лошадь или вол, то тут уж крестьянина охватывала настоящая тревога. На «сподручные средства» он уже не надеялся и спешил за помощью к маститым лекарям, знахарям и коновалам, неся при этом значительные траты. Так ведь оно и понятно: от здоровья тягловых животных зависело благополучие всей семьи.

Вот поэтому хоть и был Михей со странностями, селяне уже смотрели на них сквозь пальцы, надеясь на главное: случись с домашней скотинкой беда – будет к кому обратиться. И поначалу помогал Цыган людям, не отказывал в помощи, а главное, почти никогда ничего не брал за свои хлопоты. Да ведь мужик наш настолько своекорыстен, что вскоре к Цыгану и кур попёрли лечить, и котов, а то и вовсе с такими просьбами шли, что их впору только волшебнику исполнять! Бывало, заявлялись до того заумные просители, что из-за полной нелепости высказанных просьб, нужно было лечить их самих. Тёмный мужик ко многому хоть и недоверчив, но вот если на дармовщину – чего только не попробует!

На вид Михею было лет под шестьдесят, но пан Ружевич как-то обмолвился, что ему ещё нет и пятидесяти – видимо, Цыган всё же что-то рассказал о себе. Его бороду и волосы, чёрные как смоль, судьба слишком уж странно «заляпала» сединой. Казалось, будто кто-то нарочно мазнул кистью с белизной лишь в некоторых местах, да так, что поседелые пряди ярко выделялись в чёрной гриве волос. В деревне Цыгана и без этого считали странным, а такая противоположность между смуглостью и белесыми прядями и вовсе придавала ему диковинный вид.

Седины у Цыгана, видимо, было больше в душе, чем в волосах. Усы и особенно брови осень жизни лишь чуточку покрыла инеем. А из-под этих бровей всегда настороженно глядели на мир живые пронизательные глаза: тёмные, как ночь, и загадочные, как сама смерть. Глубокие морщины на лице Михея придавали ему вид старика: видать, хватил в своей жизни горя с лихвой! А может, и другая причина кроется за этим, бог его знает...

Семьи у Цыгана не было, да и вообще о его прошлом никто ничего не знал. Чудаковатый Михей в церковь не ходил, но тут всё было понятно: у каждого цыгана в голове свой бог. Дружбу он в деревне ни с кем не водил. Держался всегда обособленно и был вечно угрюм и подозрителен. Если Цыгану приходилось с кем-то сталкиваться по делу, то он долго и пристально приглядывался к человеку, словно изучая его и прошупывая до самых костей. От такого внимания многим селянам становилось не по себе, и о Михее часто говорили: «Одним лишь взглядом душу наизнанку выворачивает...»

Вскоре Цыгана по пустякам перестали беспокоить, а спустя ещё некоторое время, к нему обращались лишь в безвыходных случаях. А дальше и вовсе пошли слухи, будто Цыган крепко знается с нечистым...

Но самое странное, что начало проявляться в последнее время и ещё больше насторожило людей, – это нюх Михея на несчастья. Словно ворон, издавек чуящий падаль, он часто оказывался в то время и в том месте, где случалась какая-нибудь беда. И у людей складывалось мнение, что нелюдимый Михей как-то причастен к этим бедам. После этого люди вообще старались не попадаться ему на глаза и без надобности избегали с ним встреч. Всем стало ясно: в Берёзовке появился ведьмак! Чёрный ведьмак!

## Глава 4

И вот сейчас люди стояли и гадали: появится перед ними Михей или нет?! Вместе с этим вопросом над всеми довлел и главный интерес: где он был во время нападения на Буслаев? Любые потуги селянской мысли ответов не находили и даже, наоборот, ещё больше плодили вопросов и страха.

Напряжение затаилось в толпе. Слова «где беда, там и Михей» в последнее время истолковывались уже совершенно иначе: где Михей – там беда!

На крыльце дома появился пан Ружевиц. Непослушными руками запахивая на ходу полы видного некогда колушка, он нервной походкой направился к злополучным саням. Следом не отставали Домаш с Демьяном, а за ними опасно шла немногочисленная прислуга. И даже двух юных паненок в сопровождении сенной девки<sup>5</sup> Палашки непреодолимое любопытство выгнало на мороз. Одной из паненок была дочка пана Ружевица Мария, другая – теперь уже семнадцатилетняя Гражинка. Молоденьким девицам близко подходить к мертвецу и сумасшедшей бабе не разрешили, и они с трепетом наблюдали за всем, стоя поодаль.

Приблизившись к саням и встретившись с безумным взглядом Лукерьи, пан Ружевиц остановился как вкопанный. Лушку хоть и пытались привести в порядок, но выглядела она по-прежнему страшно. А тут кто-то из селян услужливо стянул дерюжку с мертвеца, да ещё и пояснил:

– Видать, ещё раны имеются... Но трогать не велено... Это уж урядник пушай мертвецов разглядывает.

Лицо пана Ружевица стало белым как снег.

– И... кто же это такое мог сделать? – в крайнем смятении тихо выдавил он. От такого дикого зрелища глаза Ружевица расширились, и вельможный взор очень даже стал походить на безумный взгляд несчастной Лушки.

К пану Ружевицу тут же подскочил Демьян. Заглядывая ему в лицо, он негромко, но с жаром затараторил:

– Паночку, так я ж только что говорил! Вон, – Демьян кивком головы указал на Ефимку, – его работа. Тут и гадать нечего! Все знают, на что способен этот голодранец.

Пан Анджей молчал.

– Ты, Демьян, не спеши, – степенно заговорил Домаш. – Тут основательно надобно бы разобраться. Не верю я, чтоб малец такое сотворил...

Пан Ружевиц нервно потёр лоб. Он понял, что здесь не просто грабёж со смертоубийством. Тут явно усматривалось что-то более зловещее. И он всё больше склонялся к мысли, что в этом деле его может просветить только один человек!

– Позвать сюда Михея! – решительно произнёс Ружевиц.

Оживившаяся было толпа снова затихла. В ожидании все замерли, предполагая, что сейчас должно произойти что-то очень важное.

Кто-то из прислуги кинулся к конюшне, а спустя некоторое время возвратился, виновато разводя руками.

– Так нема его нигде... Да я его с самого утра сегодня не бачив...

У крестьян вместе с некоторым разочарованием ещё больше укрепилось и подозрение.

– У Вовчым мху, видать, яще шастае, – раздался голос из толпы. – Мала яму етых, дак намыслил яще каго-нибудь подстерегти... – Вечный скептик Панас повёл вокруг взглядом, словно убеждаясь, все ли его поняли.

---

<sup>5</sup> *сенная девка – деревенская девушка в услужении у господ.*

Пан Ружеви́ч этих слов, видимо, не расслышал; в полном оцепенении он невидящим взглядом смотрел на убитого мужика, пытаясь сохранить ясность суждений и привести в порядок взбудораженные мысли.

Демьян опять начал что-то ему упорно нашептывать, бросая откровенно косые взгляды на Ефимку Асташова. Но тут Домаш Евсеич легонько потянул его за рукав и наградил более чем строгим взглядом. Демьян малость стушевался, но язык послушно прикусил. А мельник, решительно оттерев плечом наушника, осторожно произнёс:

– Надобно бы выяснить, где Михей... – и оценивающе глянув на Ружеви́ча, продолжил: – Подозрительно, что его на месте нет... Сомнения у людей насчёт Михея.

Ефимка с благодарностью подумал о мельнике и перевёл дух. Всё-таки слово Домаша Евсеича на деревне вес имело, и это обнадеживало хлопца.

– Подойди, – коротко повелел Ружеви́ч, глядя на Ефимку. – Повтори, что там случилось, только давай всё подробно.

Ефимка в который уж раз снова начал рассказывать. Селяне хоть и слышали эту историю, но всё равно подступили ближе, чтобы не пропустить ни единого слова.

Паненки и Палашка тоже подошли поближе, но до них долетали лишь обрывки рассказа.

– Так это и есть тот самый Ефимка? – тихо спросила Гражина стоявшую рядом девку.

– Угу, – кивнула Палашка, – он самый, окаянный.

– Почему окаянный?

– Так спокою девкам из-за него нема, а ему всё нипочем. Сегодня одну до хаты проведёт, завтра другую... Обнадежит, а назавтра уже и забудет... Потому и окаянный.

– Может, просто на сердце никто ему не западает?

– Наверно... – вздохнула Палашка. – Дальше хуже будет.

– Что хуже? – не поняла Гражинка.

– Да зеленоватый он ещё. Вот дай ещё годик – даже девки постарше будут сохнуть по нему.

– А ты? – спросила Гражинка, не сводя заинтересованного взгляда с Ефимки.

– А что я? – вспыхнула Палашка.

– Ну... ты всё время только о нём и рассказываешь, и я уж подумала... – Паненка перевела пристальный взгляд на девку, и ей сразу стало всё понятно.

У Палашки был вид, словно её поймали на воровстве.

– Да ладно, не тушуйся, – усмехнулась Гражинка и сменила тему разговора. – Давайте ближе подойдём. Интересно, что же там случилось?... Что он там рассказывает?..

Словно подкрадываясь, они подошли ещё ближе к толпе.

За полтора года, прожитые в Берёзовке, Гражинке впервые представилась возможность вблизи рассмотреть героя Палашкиных рассказов, и сердце паненки дрогнуло! Её просто сразили васильковые глаза деревенского парубка – живые, лучистые, совсем не подходящие мужицкому роду. Сейчас, правда, в этих глазах читалось волнение, отчего они казались большими и ещё более привлекательными. Поражённая Гражинка некоторое время ничего не видела кроме этих глаз – она совершенно не замечала бедной истрепанной одежды хлопца, его истоптанных лаптей, неказистого латанного-перелатанного кожушка. «Да-а... тут уж немудрено и голову потерять от таких глаз, – подумала паненка и искоса украдкой глянула на конопатую Палашку. – Не-ет, с твоей-то внешностью ничего тебе тут не перепадёт... Эх, жалко, что простолюдин!» Вдруг вспомнив, что и у неё, кроме благородного происхождения, нет почти ничего, Гражинка вздохнула. Только на этот раз не так горько...

– Ну и слышу вдруг далеко сзади дикие вопли, – взволнованно говорил Ефимка. – Я-то урочище почти прошел, на окраину уже выходил, и тут такое сзади! Жуть как перепугался, думал, помру со страху. Оборотился и стою, как онемевши: ни бежать, ни кричать – ничего не могу. Ну... тут из-за поворота и вылетают сани. Конь вспудился и прёт прямо на меня, а я

ж от страху даже и пошевелиться не могу. Всё, думаю, конец! Сейчас под копытами окажусь! Но потом всё же хватило духу вскинуть руки... ну, отпугнуть, значит, коня. Вот как махнул руками, конь ещё больше перепугался и шарахнулся в сторону... Ну и зацепил санями придорожный молодняк, сани и застряли. Глянув мельком на них, я понял, что тут что-то нечисто, и меня ещё больше охватил страх. Хотел было пуститься наутёк, да подумал: а как же они? – Ефимка кивком головы указал на Лукерью. – Да и на лошади, думаю, всё одно получится быстрее улизнуть из лесу. Ну, кинулся к саням... Упряжь еле из того хмызняк<sup>6</sup> высвободил.

– И тебя не смутило, что на санях мертвец лежал? Не поинтересовался у бабы, что стряслось? Может, она тогда ещё не в таком состоянии была? – задавал вопросы пан Ружевиц.

– Так мне ж тогда не до расспросов и не до разглядываний было. А про мертвеца так даже и думки такой не проскочило. Я-то мельком заметил, что дядька Буслай как-то чудно дрыгается и кровь на нём... Но тогда у меня в голове лишь мелькнуло, что напился мужик, да по пьяни трошки и попало ему где-то. Не, непохоже, чтоб он мёртвый тогда был... Не... – покрутил головой Ефимка, – дрыгался...

– Судороги предсмертные были... Доходил он, – мрачно произнёс пан Ружевиц. – Дальше что?

– Ну, запрыгнул я на сани, вожжи взял, и тут меня что-то словно потянуло оглянуться. Глянул назад на дорогу – и меня совсем ужасомхватило: к нам двигалось что-то непонятное и страшное! Вроде как зверь, но уж больно на человека этот зверь походил.

– Он что, гнался за санями? – спросил Ружевиц.

Ефимка неуверенно пожал плечами:

– Не. Мне кажется, что если б то чудище хотело догнать возок, то враз бы догнало. Хотя... даже и не знаю. Конь ведь так рванул, что мы еле удержались на санях. Галопом летели из того дубняка... Коня и подгонять не надобно было. Может, поэтому и не догнало чудище... Ну а как выскочили на поле, тётка Лукерья раза два или три и кидалась на меня сзади... Видать, нашло на неё что-то. Выла как бугай резаный... Но у околицы всё ж шматанула меня, да так, что я как пушинка слетел с саней. И откуда силища-то такая у неё взялась?..

– Больше ничего не заметил? – допытывался пан Ружевиц, поражённый рассказом. – Может ещё кто-то или что-то там было? Вспомни хорошенько.

– Ну... мне показалось... – неуверенно пожал плечами хлопец, – человек ещё мелькнул в лесу... В нашу сторону вроде как спешил. Хотя... может, от страху почудилось. Мне ведь хватило и того, что увидел. А что-то ещё разглядывать некогда было. Всё так быстро произошло... Может, и было ещё что-то... Я не заметил.

– А мне вот почему-то кажется, – опять встрял в разговор Демьян, – что возле Буслаев никого и не было, кроме Асташонка, а посему не будет же он наговаривать, что сам себя бачив, а? Вот я к чему клоню!

– Опять ты, Демьян, за своё, – снова вступилась за Ефимку Авдотья. – А хлопец ведь там и сбежать мог, да вот о других подумал, не бросил. В таком переплёте немногие из вас, мужиков, поступили бы так, а уж ты, Дёма, и подавно только б о своей шкуре пекся! – Совсем осмелела баба, и ей даже доставляло некоторое удовольствие прилюдно посрамить нерешительных мужиков.

– Ты говори, да не заговаривайся! – огрызнулся Демьян. – Кто знает, что там за переплёт был? Может, и не было никакого переплёта? А если и был, то откуда нам всем знать, кто его утворил? А? Кто докажет, что этот лихоимец правду говорит? Лушка?

– Всё, Демьян, остынь! – уже с нескрываемым раздражением повысил голос Домаш Евсеич. – Пока всё не прояснится, нечего на хлопца всех чертей вешать! Лично я... В общем,

---

<sup>6</sup> хмызняк – кустарник, поросль деревьев.

такого не выдумаешь! – И, глянув на Ефимку, он сдержанно его подбодрил: – Не робей, всё образуется.

– Михей! – вдруг раздалось в толпе, и все в напряжении застыли.

Михей неожиданно вынырнул из-за дальнего хлева, который стоял почти у самого леса, и тут не надобно обладать богатым воображением, чтоб не догадаться, откуда он появился.

Какой-то дёрганой походкой Михей спешил напрямик к толпе. Было явно заметно, что он находился в сильнейшем возбуждении. Дышал порывисто, тяжело, с сиплым присвистом. Обычно люди так дышат после... долгого бега. И глаза! Тёмные, просто дикие глаза! Казалось, черные зрачки исподлобья буравили всех вместе и каждого в отдельности.

Люди, словно овцы перед волком, невольно сбились плотнее в кучу.

Перед Михеем не выказывал волнения только пан Ружевиц. Он выжидающе смотрел на приближающегося своего работника, и его взгляд выражал лишь немой укор, мол, тут такое творится, а тебя черти носят невесть где!

Цыган молча подскочил к саням. На некоторое время он застыл, внимательно разглядывая представшую перед ним жуткую картину.

– Что скажешь? – тихо спросил пан Ружевиц.

– А что люди говорят? – тоже тихо произнёс Михей.

– Да вон, на мальчика всё валят... Говорят, напал, чтоб обобрать... – неуверенно ответил Ружевиц, промолчав, однако, о высказанных подозрениях насчёт самого Михея.

– Головы каковы, и думы таковы, – себе под нос пробурчал Цыган и, подняв глаза на людей, угрюмо произнёс: – Человек такое не сделает... Неужели вы думаете, что это работа вот этого перепуганного хлопчика?

– Тогда чья? Уж не твоя ли часом? – раздался из толпы чей-то негромкий голос. Догадаться, кто это осмелился так сказать, было совсем не сложно: только Панас, едкий и язвительный на язык мужичок, никогда не мог удержаться, чтоб не отпустить какую-нибудь колкость.

Михей, похоже, сделал вид, что не расслышал этого выпада. Но вот для пущей ясности он ещё раз громко сказал:

– Обыкновенный человек такое творить не станет! Даже если б он и был извергом окаянным...

– А чаго ето человек такое не свершит? – уже во весь голос возразил Панас. – Стукнуть по голове – дело не хитрое. Тут и Асташонок такое можа утворить, тут и от тебя, Михей, такого можна ожидать...

– И от тебя! И от всех! – гневно сверкнув глазами на толпу, разозлился Михей. – Вы что, не видите, что на санях всё в кровище? С проломленной головы столько не нахлещет... Тут немудрено, если и горло будет перерезано. Только вот чтоб человека обобрать, хватило бы его лишь маленько приглушить, а не зверем рвать... И вот этого, – Михей неожиданно наклонился и резко перевернул уже коченеющее тело Буслая, – я думаю, ни один из людей не совершит!

Наверное, лучше бы он и не трогал несчастного при таком скоплении народа. Как только мертвец оказался перевернутым, у многих непроизвольно вырвались возгласы ужаса. Открывшийся вид тут же вызвал тошнотворные позывы сразу у нескольких человек; две молодницы и вовсе оказались на снегу в глубоком беспомоществе; ещё несколько селянок тоже были близки к обмороку: хватались кто за голову, кто за грудь, издавая стоны и судорожно втягивая ртами морозный воздух. В толпе поднялся настоящий переполох.

С самого начала этого происшествия люди были на грани паники, и казалось, что в ещё больший страх их уже ничто не введёт. Да ошибались, оказывается! Вот теперь-то всех поголовно охватил неопиcуемый дикий ужас: под бородой у Буслая зияла огромная кровавая дыра с ошмётками плоти, каких-то жилок и хрящей! Глотки не было! По живому вырванное горло являло настолько жуткое и шокирующее зрелище, что лишь самым стойким мужикам удалось сохранить некоторую внешнюю выдержанность. Да и то только внешнюю!

– Кто ж всё-таки мог такое сотворить? – подавляя приступы тошноты, сдавленно спросил пан Ружевиц у Михея.

Все усталились на Цыгана. Этот вопрос не давал покоя никому.

– Может, зверь... – задумчиво пожал плечами тот. – Горло вырвать – зверь легко вырвет... Хребет сломать, порвать – тоже... А вот темечко так проломать – тут уж обух или дубина треба в руках... людских.

– Выходит, человек?

– Человеку нема надобности горло грызть...

– Что думаешь? – с дрожью в голосе опять спросил пан Ружевиц.

Михей некоторое время постоял в задумчивости, а затем мрачно произнёс:

– Тут... самое худшее напрашивается... Такое мог сотворить только зверь... с повадками человека.

– Бес, что ли какой?

– Даже дюжина бесов такого не содеют. И простой смертный на такое не способен. А вот зверь или дьявол... с человеческим коварством... и обличьем... Одним словом, есть такая нечисть кровожадная.

– И что это за нечисть такая? – Голос пана Ружевица был полон тревоги.

– Ну... что-то похожее на оборотня... на волколака, по-местному. Но не совсем.

– Что значит «не совсем»? – допытывался пан Ружевиц.

– Это непросто объяснить... ну, например... – Михей призадумался, но ничего путного в голову не шло. – Да черт его знает. Я сам только несколько раз и слышал о таком чудовище. Крайне редкая тварь. У этого дьявола... или человека... все признаки зверя, а вот лютует он по хитрости людской. С виду это может быть самый обыкновенный человек, а внутри – хищник, да ещё и знающий колдовство, раз днём может напасть. Одним словом, оборотень... с колдовскими способностями. Такого даже сами черти страхаются. Больше ничего не могу сказать...

Панас, как всегда, не утерпел, и с его языка самопроизвольно слетели слова:

– Ты и так уже багато о себе рассказал.

## Глава 5

Сразу после трагического случая с Бусляями Домаш Евсеич, как староста, собрал сход селян и настрого предупредил всех об осторожности. Просил, чтоб без крайней нужды в сторону Волчьего мха не совали носа, а также предложил определить дни, по которым, собравшись большим числом, люди могли бы сообща выбираться из Берёзовки. Селяне живо соглашались и были безмерно благодарны Домашу Евсеичу – единственному человеку, давшему по настоящему толковые советы.

Власти, взяв под надзор расследование чудовищного преступления, кого только не присылали в Берёзовку: и урядники с приставом, и священники различных санов, и в штатском какие-то люди наведывались. И все они с опасливым недоверием выслушивали рассказы, которые за короткое время невероятно обросли домыслами и выдумками. Приезжающие просто мурыжили расспросами да допросами Ефимку Асташова. Но всё обошлось, ибо за бедного хлопца горой встал мельник Домаш Евсеич, раскрывая нелепость наговоров некоторых селян. Видя тщетность попыток докопаться до истины, люди в штатском даже пытались разговорить Лукерью, которая так и не пришла в себя. Как ни старались разобраться в этом деле, всё было безрезультатно. Не найдя правдоподобных объяснений и не придя к какому-либо вразумительному заключению, эти божьи слуги и государевы люди лишь разводили руками и в недоумении убирались восвояси. Однако, наслушавшись рассказов о проклятом урочище, убирались из Берёзовки уже по Припяти.

Гибель Буслая оставалась тайной за семью печатями – тайной, пугающей полешуков необъяснимым тревожным предчувствием. Но больше всех волновалась Настя. И не столько из-за объявившегося лиха в Волчьем мху, сколько за сына. А тут и ещё беспокойства добавилось: заприметила она заинтересованные взгляды свёкра на себе, со страхом заприметила. Он лет десять волком косился да сторонился и сына своего Никиту и её. А как не стало Никиты, так и начал вдруг при встрече одаривать невестку пристальными взглядами, от которых ту аж в дрожь бросало. Волнения Насти цвели не на пустом месте! Вышла когда-то крайне неблагоприятная история у неё со свёкром...

Настя была единственной дочкой в семье Григория Чигиря (Гришака) – остальные были хлопцы, три брата. Младше сестрёнки был только Василь, Микола был средним, старший – Прохор. Настю в семье все любили, и родители частенько с умилением повторяли: «У нас три сыночка и пригожуня дочка». Не сказать чтобы Настя в детстве была такой уж красавицей, но вот в пору юности стала девицей завидной.

Восемнадцать лет назад эта завидная девица вышла замуж за гарного хлопца Никиту из небольшой деревеньки Берёзовка. Женились молодые, можно сказать, по любви и стали жить в хате свекра. Здесь же, кроме самих хозяев и их незамужней дочери, теснились ещё две семьи старших братьев мужа да едкая старуха – мать свёкра. Молоденькая в то время девушка попала в большую, но весьма не дружную семью. Свёкор был нрава крутого и держал сыновей и их семьи в ежовых рукавицах. Может быть, именно поэтому хозяйство ещё и держалось на плаву. Домочадцы старались всячески угодить батьке и норовили исподтишка опорочить других, что вызывало в общей семье склоки и частые ссоры. Насте, привыкшей к другому семейному укладу, всё здесь было в тягость. Но самое постыдное, с чем она тут столкнулась и что своей непристойностью просто ввергло её в мерзкий ужас – это снохачество<sup>7</sup>.

Для деревенского образа жизни, где всему головой был батька, во многих семьях снохачество было едва ли не обыденным явлением. Безусловно, и закон и церковь осуждали такое

<sup>7</sup> снохачество – половая близость свёкра со снохой, невесткой.

греховное кровосмешение, да и сами крестьяне считали это большим грехом, но! ни в коем случае не преступлением. А посему снохачество и продолжало процветать.

Склонить невестку к сожительству для ещё молодожавого свёкра не составляло особого труда: сначала уговоры, посулы лёгкой работы, подарки, затем в ход шли придирки, самая тяжёлая и непосильная работа, угрозы, нередко с побоями. Обычно такая целенаправленная осада быстро давала результат.

Как это ни дико сравнивать, но во многих крестьянских семьях царил настоящий стадный закон природы: самый сильный «самец» обладал почти всеми «самками». Остальные «самцы» – кто чего достоин! Этому немало способствовали и языческие корни, и невежество самих крестьян. Хотя по тому же закону природы можно наглядно привести уйму примеров, когда среди животных и птиц образуются пары на всю жизнь, и многим людям не мешало бы в некоторых случаях брать пример со зверей!

В Берёзовке жило немало семей, в которых крестьяне женили своих сыновей в четырнадцать-пятнадцать лет, беря им в жёны девушек на три-четыре года старше. После такого брака в крестьянской семье появлялась здоровая крепкая работница, а сын как был подростком, так и оставался им ещё несколько лет. И уж в свои сорок-сорок пять батька не упускал возможности воспользоваться неопытностью сына. В таких условиях молодой снохе поневоле приходилось избирать выгодную для себя житейскую и жизненную стезю.

Настя когда-то слышала историю, как одна молодичка пыталась найти в волостном суде защиту от домогательств буйного свёкра. Но в судах, как правило, отстранялись от разбора таких дел, и в итоге виноватой оставалась сама женщина. Вместо защиты – обвинение в поклёпе! Да ещё и наслушается «виновница» в свою сторону издевательских высказываний: «Сама, видать, добрая вертихвостка!» или «Уж коли сучка не захочет, так кобель не вскочит!»

После таких унижений и срама дальнейшее пребывание молодой женщины в общей семье было подобно каторге. Вот поэтому условия жизни невестки во многом зависели от внутренних устоев семейства и от важности «шестка», на котором сидел её «муж-сверчок».

Настин муж Никита хоть и был младшим в семье, да слово его имело вес немалый. А вот два старших брата удались в мать – тихие, безвольные и даже с виду какие-то мелкие, особенно самый старший, Митяй. Этот уж точно не чета своему рослому родителю Рыгору. Грозному батьке и опасаться-то их не приходилось. Вот и властвовал он не только над всеми душами в семье, но и над телами невесток. Но для пристойности всё же старался скрывать свои похождения. Старшие сыновья, конечно же, догадывались обо всём, но делали вид, что ничего не происходит. Тщедушные, они так же, как и мать, попросту до смерти боялись батьку и так же, как и их жёны, избрали наиболее выгодное для себя поведение.

После появления в хате новой снохи, Рыгор по-настоящему был ею доволен: тихая, приветливая, работающая, а главное, очень уж на вид приятная молодка. Глядя на неё, в похотливом воображении свёкра возникали картины, от которых у него аж дух захватывало. Вот только одно огорчало батьку: его младшой так же крепок, как и он сам, так же горяч и решителен. «В мою кость выпер, – мыслил Рыгор, и впервые такая думка его не радовала. – Кто-кто, а Никитка терпеть, как его братья, не станет!»

Сын тоже батьку знал как облупленного и поэтому сразу наедине предостерег, чтоб даже и во сне не помышлял о Насте. Это предупреждение батька нехотя намотал на ус и поначалу лишь воровато приглядывался. А шкура-то у старого уже аж горела и руки чесались поддерживать молодое тело. Перебороть в себе искусителя не так-то просто! Словно волк, ненасытно выглядывающий недоступную жертву, Рыгор похотливо косился на невестку. И вот как тут не вывернуть народные слова: сколько такого «волка» не корми, он всё равно будет глядеть... на чужих баб!

Не прошло и трёх месяцев после Настиного замужества, как свекор начал отпускать ей двусмысленные намёки. Временами беспричинно оказывал слишком уж явную заботу.

Неопытная Настя сильно смущалась, но упорно не хотела верить в худшее. А Рыгор потихоньку уже и рукам начал волю давать. Бедная невестка шалости свёкра всё пыталась свести к его неловкости: то прижмётся при работе невзначай, то руку Настину задержит в своей, то, проходя мимо в тесном помещении, вроде как отодвигал её в сторонку, но при этом чересчур уж крепко брал за стан. Понятное дело, всё это Рыгор проделывал, только если поблизости не было Никиты.

Настя немало слышала о снохачах, но, как и все, наивно думала, что такое лихо может приключиться с кем угодно, только не с ней.

Время шло. Невестка продолжала смущённо краснеть от «неловкостей» свёкра, которые становились всё более «неуклюжими» и откровенно наглыми. О непристойном она даже мыслить не хотела. Но когда Рыгор уже открыто слегка прижал её в овине<sup>8</sup>, то тут уж все сомнения рухнули! Насте стало как божий день ясно гнусное намерение свёкра!

Остальные невестки и их мужья всё замечали, всё понимали и со злорадством наблюдали за происходящим. При случае, отделившись от посторонних ушей, они с чёрным пристрастием шептались да гадали, что ж дальше-то будет. Тут уж никто не прикидывался, будто в семье ничего постыдного не происходит, обо всём говорили прямо, без всяких намёков да обиняков. Наученные горьким опытом, старшие снохи сразу смекнули, что, в отличие от них, Настя другого поля ягода, впрочем, как и её муж Никита. Благочестие молодой снохи и непоказная решительность Никитки порождали в родственных семьях тайную зависть. И ещё всем вдруг стало ясно, что похождения батъки возле молодой снохи вряд ли закончатся добром. Вскоре так и случилось...

В один из осенних дней, перед Покровом, Настя со свёкром и Митяем повезли на мельницу жито. Народу в очереди собралось немало. Туда поехали утром, а возвратились лишь к вечеру.

Мешки с мукой решили временно сгрузить пока в овине, а уже назавтра днём основательно поладовать хлеб. Это было решение батъки. Странное, но... хозяин – барин.

В полумраке Настя наскоро прибрала место для мешков и с готовностью предложила:

– Сбегаю Никитку позову, всё быстрее будет...

– Пустое, – остановил её свёкор. – Неужто мы такие никудышные, что пяток-другой мешков не снесём?

– Так, поди ж, притомились крепко... – неуверенно произнесла Настя и сочувственно глянула на неказистого свояка: он-то уж точно такой мешок не пойдёт.

Рыгор начал сам перетаскивать муку. Митяй остался возле телеги, помогая батъке взваливать мешки на плечо. В овине Настя придерживала ношу при сбрасывании, иначе мешковина при ударе оземь могла не выдержать и разойтись.

Работа спорилась. Втроём управились быстро.

Осенний сумрак медленно, но уверенно выживал остатки дня.

Свёкор в одной руке внёс в овин последний полупустой мешок, прохуdivшийся и поэтому наполненный мукой лишь на четверть. Вошёл и тут же вдруг замер в дверях. Его алчный взгляд уставился на невестку. Постояв несколько мгновений в неподвижности, Рыгор воровато оглянулся...

Снаружи заскрипели колёса телеги – Митяй повёл распрягать коня в дальний конец двора.

Настя и сама не заметила, как осталась со свёкром наедине. В последнее время она всячески старалась не попадать в подобное положение. И вот мало того, что оказалась наедине со свёкром, так ещё и темень сгущается. Сердце перепуганной молодички сжало противное предчувствие.

---

<sup>8</sup> овин – строение для сушки снопов.

– Ну, слава богу, зиму будем с хлебом, – притворно вздохнув, сказал свёкор.

– Ага, слава богу... – испуганно согласилась Настя и, чтобы хоть немного сбавить неловкость, начала нервно смахивать с себя мучную пыль. – Ой, совсем темно стало... Пойду на дворе отряхнусь.

И только Настя намерилась было юркнуть из овина, как свёкор тихо сдвинулся с места, преградив путь.

– Погодь маленько... – с дрожью в голосе сдавленно произнёс он и сделал шаг к Насте. – Муку-то эту пересыпать надобно... – Он приподнял рваный мешок с мукой, словно убеждая невестку в срочности этой работы. – Совсем рассыплется... Одному-то несподручно... да и темновато. Подсобить надо трошки...

В сумраке Насте вдруг показалось, что у свёкра в глазах плясал странный блеск – хищный! И уж наверняка у него сейчас были думки не о муке! Настю ещё больше охватило беспокойство. «Господи, да что ж это творится?! – мысли испуганно метались в её голове. – Иль это просто воображение моё во всём только поганое видит?! Ох, мамочка! Пронеси, Господи, мимо меня всякое лихо!»

А Рыгор уже совсем рядышком! И деваться-то некуда! Кричать? А чего кричать, ведь он только попросил помочь муку пересыпать.

Настя развернулась и схватила первый попавшийся под руку пустой мешок.

– Ага, давайте скоренько пересыплем... а то в хате уже небось ждут нас давно... – Всё ещё надеясь, что это лишь напрасные страхи, Настя хотела побыстрее закончить с этой злосчастной мукой. – Уже, может, и шукуют нас. И вечерять давно уж пора...

Бедняжка была бы без меры счастлива, если б сейчас и в самом деле их кто-то искал и покликал. Но о них словно забыли...

Напуганная сноха суетливо подставила мешок и, покорно опустив взгляд, замерла в напряжении. Ей казалось, что странный свёкор вот-вот коршуном накинется на неё.

Но Рыгор деловито состыковал мешки и бережно вывернул остатки муки из одного мешка в другой. Затем он их разъединил. В вытянутых руках Рыгор держал старый прохудившийся рогожный куль, словно решая, что с ним делать.

– Надо будет заштопать... – сказал он и встряхнул мешковиной.

Густое облако мучной пыли вмиг разлетелось по овину. Рыгор успел сделать шаг назад, а Настя, растерявшись от казусной неожиданности, так и осталась стоять на месте. Вся в муке, она до смешного походила на снегурочку. Но ей уж точно было не до смеху...

– Тьфу ты, чёрт! Вот не подумал... Давай помогу отряхнуться, – сокрушенно произнёс Рыгор, и прежде чем Настя успела хоть что-то сообразить, он уже крепко держал её за локоть.левой рукой держал, а правой легонько начал сбивать пыль с её спины и плеч.

Настя стояла ни живая ни мёртвая! Сердце её колотилось, словно у пойманной птички. От перепугу бедняжка боялась даже дышать.

А движения мужской ладони становились всё медленнее, плавней и... ниже. И когда рука свёкра уже в открытую прошлась по бёдрам, Настя не выдержала. Она рванулась к выходу, но снохач был начеку. Он схватил Настю сзади за руки и резко заломил их за спину. Женщина вскрикнула от боли.

– Ну чего ты, дурёха... – возбуждённо прохрипел Рыгор. – Не ерепенься! Поди, не убудет!

Снохач грубо толкнул Настю в плечи и повалил на мешки с мукой. Кинувшись на спину невестки, он придавил её всем своим весом. Словно матёрый хищник, Рыгор быстро и умело подавлял отчаянное сопротивление строптивой жертвы.

Настя до последнего надеялась, что кто-то или что-то помешает мерзкому поступку свёкра. На то, что насильник опомнится и благоразумие возьмёт верх в его животном сознании, она уже не надеялась. Кричать Насте было почему-то стыдно, но это был единственный способ позвать на помощь. И вдруг страшная догадка резанула рассудок несчастной: на выручку

ей сможет прийти только Никитка! Все остальные домочадцы, услышав её зов, попрячутся и сделают вид, что ничего не слышали!

Ужас и отчаяние давили Настю вместе с ненавистным свёкром. Нужно было немедленно что-то предпринимать! И она закричала! Закричала во всю мочь! Ей казалось, что от её громкого крика даже земля застонала под ногами. Но... это сдавленно стонала сама Настя. Едва она только набрала воздуха, чтобы крик отчаяния мог вырваться на волю, свёкор грубо вдавил её голову в мешки. Он опередил Настю на какое-то мгновение... Уткнувшись лицом в пыльную рогожу и выразив свой зов лишь надрывным стоном, бедняжка начала задыхаться. А крепкие руки всё сильнее и сильнее вжимали её лицо в грязную мешковину. От удушья сознание Насти затуманилось...

Под соломенной крышей крестьянской хаты жизнь мирно текла своим чередом: потрескивала лучина, мерцающими бликами тускло освещая жилище; дети дурачились на полатах, по-детски бранясь и стараясь позаковыристой обзвать друг дружку; невестки заканчивали стряпать нехитрую вечерю; свекровь пряла куделю<sup>9</sup>.

Примостившись на заслоне возле горящей лучины, Никита чинил разбитое ярмо. Он ждал, когда приедут с мельницы, чтобы помочь снести мешки в клеть. Но на мельнице, видимо, была запарка, и батька с братом и Настей заметно припаздывали.

Но вот в хату вошёл Митяй. Никита отложил в сторону ярмо и с готовностью вскочил.

– Пойду помогу с мешками управиться. – На мелкого Митяя в перетаскивании тяжестей он тоже не особо рассчитывал.

– Без тебя уже перенесли, – буркнул брат. – В овин...

– Занятно... Чего в овин? Муку всегда ж в клетки хранили...

– Батька так повелел... – пожал плечами Митяй и как-то сконфуженно засуетился, не зная, куда положить скомканную маргелку<sup>10</sup>.

– А где Настя? – вдруг взволнованно спросил Никита, и в хате все замерли.

– Я почём знаю... Я коня распрягал... – совсем уж смущённо промямлил Митяй, – а она с батькой остались в овине мешки до конца ладовать...

Дальше Никита не стал ни слушать, ни спрашивать. Он опрометью бросился к овину. Едва подскочив к входу, молодой муж отчётливо услышал звуки борьбы, а затем и надсадный вопль жены, тут же заглушенный...

Никита, как и всякий хлопец, не раз представлял в мечтах, как он сражается с заклятым лиходеем, защищает самую красивую девицу, и, конечно же, всегда ловко и достойно побеждает недруга. Да, человеческое воображение почти всегда услужливо рисует нам многие события в радужных тонах. В жизни же всё бывает гораздо мрачнее. Ну вот когда и кому воображение преподносило ненавистного соперника в образе родного родителя?! То-то же! Искушённое воображение до такого даже и не додумалось, а жизнь – пожалуйста! И не в мудрёных измышлениях, а вот, получите наяву! И что с таким недругом прикажете делать? Поднимется ли сыновья рука на отца? Ведь он у сына один! Зато у отца сыновей может быть много! Одним больше одним меньше – невелика беда: такие, как Рыгор, сначала о себе будут думать, а уж потом о детях!

Видя похождения батьки со старшими снохами, Никита не раз задумывался: а как бы он поступил, окажись на месте старших братьев? Вопросы так и остались без ответов, потому как думать о таком Никитке было противно. А думать молодому мужу ох как надо было! Настя-то куда пригожее обеих старших невесток!

---

<sup>9</sup> куделя – льняное волокно. Навыки прясть нити из волокна у крестьянок были выработаны до автоматизма, и это, в отличие от ткачества, не требовало яркого освещения.

<sup>10</sup> маргелка – валеная шапка белорусских крестьян.

Вот и вышло, что, пока молодой супруг невесело размышлял над житейскими неурядицами, коварная судьба со своим «подарком» уже тут как тут: вот тебе, Никитка, ложечка дёгтя в твой медовый месяц! Да где там ложечка – целый ушат!

Никита хоть и не был слабаком, но всё же осознавал, что с батькой ему вряд ли удастся в одиночку справиться: рослый Рыгор был полон сил, а его мощная фигура чем-то напоминала панского бугая Олуха – самого крупного и злобного быка в округе. Но сейчас Никита был в такой ярости, что о таких мелочах, как кто кого одолеет или как дальше придётся жить с батькой вместе, он не думал. Не до этого было! Надо немедля вырывать женку из лап родителя-наильника!

На ходу Никита схватил валявшуюся у стены негодную лопасть ручной прялки, похожую на деревянную лопату, и вскочил в овин. На какое-то мгновение он оторопел. Перед его глазами предстало гнусное зрелище: возбуждённо кряхтя и распалаясь непокорностью молоденькой снохи, батька жестоко её душил. Навалившись Насте на спину, он остервенело вдавливал её лицо в мешки. Шапка с головы насильника слетела; жирные длинные волосы космами ниспадали вокруг плешивой макушки. Лица «дорогого родителя» Никита не видел, но там ничего человеческого он бы и не разглядел, потому что в выпученных глазах снохача стояло лишь похотливое безумие; на скривленных губах пузырилась слюна. Стекая по включенной бороде и смешиваясь с мучной пылью, она превращалась сгустки теста. Это было гадко и ужасно! Бедная Настя...

Занятый насилием и возбуждённый похотью Рыгор шумно пыхтел, а временами даже рычал. Кроме своей жертвы, он ничего не видел, ничего не слышал и ничего не замечал. А зря...

Никита замахнулся. В густом сумраке большая плешь на макушке батьки была хорошей отметиной...

Яростное сопротивление снохи распалило Рыгора. А когда молодое тело, подёргавшись, наконец обмякло и стало податливым, он и вовсе испытал неопишное упоение, но хватку ослабил. Снохач знал, что через некоторое время Настя придёт в себя – тут главное не переусердствовать, чтоб вообще не задушить молодницу. Ни о снохе, ни о сыне как о людях – каково им будет потом – он сейчас не думал. Вначале, правда, у него зародышем шевельнулась мысль сожаления о младшем, самом любимом сыне, но, не успев родиться, эта мысль тут же была смыта волнами похоти и жестокости. В последние дни Рыгор лишь ухмылялся насчёт Никитки: «Никуда не денется! Стерпит, как и старшие! Куда ему, желторотому, супротив батьки переть!»

Да ведь ещё не родился тот человек, чтоб всё было только по его хотению!

Рыгор в возбуждении схватил сноху за крепкие бёдра. Даже через плотную ткань он чувствовал упругое тело. Какое-то дикое упоение и наслаждение своей властью снизошло на мужика. Нет, со старшими невестками такого не было! Не теряя времени, снохач схватил подол юбки, намереваясь приступить к своим «снохаческим обязанностям». Разбушевавшиеся чувства били через край; теперь дрожали не только руки, но и всё тело. И вдруг... вздрогнула даже и голова! Да ещё как! Вздрогнула сильно, шумно, с громом в ушах и с ослепительно-яркой вспышкой в глазах! И даже в последний миг сознание Рыгора всё равно цеплялось за своё: «Вот это молодница! Вот это колыхнуло! Аж голова затрещала! Такого у меня ещё не было...» – успело мелькнуть в голове снохача, прежде чем он провалился в глубокое беспмятство...

В тот же вечер Настя и Никита ушли из-под родительского крова к крестной.

Рыгор недели две отлеживался; его часто мучило, болела и кружилась голова, одолевала слабость. Одним словом, попало добре.

После поправки, Рыгор долго ещё не выходил на люди. Он знал, что будет всюду наткаться на насмешливые ухмылки односельчан. Но особенно Рыгора злила появившаяся в деревне новая кличка – Пришибленный. Хотя многие мужики сами были такие, но вот так получить по маковке ещё никому из них не доводилось, и это просто бесило осрамившегося

снохача. Не давали покоя и мысли об отместке. «Ничего, по чужим углам долго мыкаться не будут! – злобно думал Рыгор. – Припечёт – прибегут! Как пить дать прибегут... да ещё и на коленях просить будут, чтоб в хату пустил! Вот тогда и поглядим... За всё поквитаюсь! Прибегут!»

Деваться молодым и в самом деле было некуда, и они «прибежали». Прибежали к батьке, но не к Рыгору, а к Гришаку.

Гришак с гневным возмущением выслушал исповедь дочери и зятя. Негодовала вся семья Григория Чигиря. Известили о приключившейся беде и старшего брата Прохора, жившего вёрст за восемьдесят в каких-то Черемшицах. Прохор незамедлительно откликнулся на беду сестры и вскоре был у батьки. Гришак с сыновьями голову долго не ломали, а поднапряглись и начали заготовливать лес.

На сходе в Берёзовке Никита заявил об отделении от общей семьи. Сход с пониманием отнёсся к возникшему злополучию, и земельный надел молодой паре выделили в противоположной стороне от надела Рыгора.

Обуреваемый злобой, батька не пожелал выделить младшему сыну даже драных лаптей, а тот ничего и не требовал.

Зиму молодые прожили у Гришака, а уже к середине следующего лета с божьей помощью, а точнее, с помощью Настиных родных молодым удалось срубить избёнку – не ахти какую, зато свою. И срубили молодым хату в... Берёзовке. Настя сначала наотрез отказывалась жить в этой деревеньке, но земельный надел был там – пришлось смириться.

Хотя и тяжело было, но Настя несказанно радовалась и маленькой хатке, и собственному бедненькому хозяйству. Не всё ведь сразу! «Ничего, будем работать – разбогатеем!» – утешали себя молодые. И работали, спин не разгибали, а тут уже и старшенькому Ефимке десяток годков натикало – помощник растёт. Всё было как у людей добрых, да гром грянул неожиданно – это даже и громом нельзя назвать, а целой грозовой полосой! Поначалу умер средний брат Насти Микола. Потом Господь прибрал к себе Гришака. А через полгода ещё одно страшное горе – помер Настин мужик Никита. Люди тогда непритворно сокрушались: «Всё для семьи без меры усердствовал. Вот в работе и надорвался...»

И осталась молодичка одна с малыми детьми. Деток-то крестьянских суровые будни и так делают более смышлёными в выживании, а оставшись без батьки, Асташонки и вовсе словно повзрослели сразу на несколько лет.

Все эти годы Настя мыкалась, бросаемая судьбой из одной крайности в другую. И вот сейчас ей и так забот-хлопот был полон рот, так ещё и свёкор начал глазами есть. «Неужто снова старое покоя ему не даёт?! – с брезгливым страхом подумала Настя, но тут же отбросила эту догадку. – Не-е, не тот уже «свекорок разлюбезный»! Годы-то всех гнут!»

Рыгор и в самом деле выглядел заметно постаревшим и осунувшимся. От былого грозного свёкра остался только хищный блеск в глазах.

И вдруг Настя поняла, что не похотью, а другим сейчас живёт волчья натура старика – жаждой мести коварной, расплатой за давнишнее посмешище. Хотя... это было лишь предвзятое предположение несчастной вдовы. Кто ж его знает, что там, у старого на уме...

## Глава 6

Рождество Христово...

Даже одно название звучит торжественно и возвышенно, а сколько этот праздник дарит людям радости, так и вовсе не счесть! Не счесть и ничем не измерить – нет мерила значимости рождения Иисуса Христа! И этот праздник поистине является общенародным.

Полесье готовилось встречать Рождество. В своих хатах – и в бедных и в зажиточных – селяне старались навести порядок, убрали, скребли и даже по возможности украшали.

Хозяйки заранее готовили различные угощения, но так как до Рождественской ночи длился пост, то угощения сначала шли постные, среди которых обязательно была кутья<sup>11</sup>.

По-своему готовилась и молодёжь. Хлопцы и девчата с нетерпением ждали праздничного вечера, чтобы в это волшебное время поколядовать и повеселиться от души. Заранее изготавливались всяческие причудливые прилады, которые колядующие потом наденут на себя или прикрепят на одежду. Хлопцы сооружали восьмиконечную звезду со свечой внутри. На Полесье её обычно делали из прутьев и обтягивали куском светлой материи, что позволяло свече гореть внутри и не гаснуть на ветру. С этим символом Вифлеемской звезды, высоко неся его на длинном крепком прутке, и будет ходить колядная гурьба.

Колоритной особенностью колядок издавна был обычай «водить» какое-либо животное. В Берёзовке, почти как и на всём Полесье, колядующие «водили козу». Бойкого хлопца рядили в вывернутый кожух, на голову обязательно прилаживали сделанные из чего-либо рога, лицо или измазывалось сажей или надевалась маска с бородкой из кудели. В таком облачении было невозможно узнать, кто из сельчан под этой личиной, что позволяло козе вести себя более вольготно, а порою, к всеобщему веселью, и взбалмошно.

В Берёзовке колядовали вечером перед самым Рождеством.

Люди ещё пребывали в предпраздничных хлопотах, а Рождественская ночь уже и за окошком! Да какая ночь! Кажется, ни в одно другое время небо так буйно не зацветает звездами, не завораживает взор неземной красотой! Как никогда разгульный месяц в это время манит на улицу, а под его светом-серебром всё вокруг становится схоже на сказку. Морозец-крепыш не пугает честной народ, наоборот, заставляет кровь жарче играть. Как дышится славно в эту ночь! Какой воздух! Он просто пьянит своей свежестью, своей чистотой! Ну вот как усидеть дома в такую ночь – Рождественскую ночь! Нет, никому не усидеть, не утерпеть! Слишком уж она сегодня приятна и роскошна! Слишком уж она сегодня обещает быть щедрой на радость и веселье, на угощения от души и на искренние пожелания добра и счастья! Да-а, вот такой волшебной ночью Рождество одарило Полесье на этот раз!

Как только в небе заиграли первые звезды, ожила Берёзовка, смехом залиvistым и песнями колядными наполнилась! От хаты к хате потянулись гурьбы хлопцев и девчат со звёздами на прутках да с торбами на плечах! А козу только на словах водили – коза сама вела всех за собой, да ещё и такие кренделя, бывало, выписывала, что её впору и чёртом назвать! Но нет, не вспоминали люди в этот праздник нечисть всякую – славили Иисуса, его рождение славили! Восхваляли и хозяев радушных! Ночь сегодня добром и радостью наполнилась!

Вот парубки да девчата гурьбою отошли от очередной хаты, и затяжелела их торба от угощения простого, но зато от сердца радушного.

– А давайте к пану Ружевицу завалим! – закричала коза. – Неужто в такой вечер погонят нас оттуда?!

---

<sup>11</sup> кутья – каша из зерна.

До этого как-то не принято было в Берёзовке по праздникам тревожить вельможное панство. Захотят – сами окажут милость своим крестьянам, поздравят и даже, как когда-то давно случалось, попотчуют их.

Лишь на мгновение замешкалась колядная ватага. Всеобщий задор быстро отнёс все сомнения, и повалила гурьба к панскому дому.

Семья пана Ружеви́ча тоже отмечала приход Рождества. Но не так, как когда-то в былые времена: с размахом, торжественностью и дорогими подарками. Сегодня в праздничный вечер Ружеви́чи скромно сидели за столом, вкушали трапезу да, стараясь скрыть унылое настроение, незаметно вздыхали.

Пана Ружеви́ча угнетали неурядицы в фольварке. Чтобы сократить расходы, он сам, супруга и даже паненки уже не чурались чёрной работы и зачастую трудились наравне с прислугой и крестьянами.

Анджея Ружеви́ча брала тревога и за сына Зибора, и уж, конечно же, не давала ему покоя тайна нападения на Буслаев. Так что особого веселья в этот праздничный вечер у панской милости не наблюдалось.

Софья Николаевна, супруга пана Ружеви́ча, тоже задором не наполнилась, хотя, можно сказать, это было её обычное состояние. Она имела удивительное свойство всегда оставаться незаметной: никогда ни с кем не спорила, не повышала голос и по возможности всегда избегала лишнего внимания к себе. Для тихой и невластной женщины шумное общество было в тягость, особенно в последние годы. В былые времена ей часто приходилось терпеть и пышные застолья, и сальные шутки подвыпивших гостей и при этом казаться хлебосольной хозяйкой. Такова уж выдалась её натура, которой больше подходила роль серой мышки. А в немногие праздничные дни этой «серой мышке» хотелось лишь чего-то доброго, тихого и душевного.

Сидя за столом, старшие сожалели о былых, более счастливых временах. Младшие журились о настоящем: паненки сидели в чопорной благопристойности, но сердца их обливались кровью, слыша доносившиеся из деревни весёлый смех и песни. А тут ещё Палашка столько интересного понарасказывала о том, как гуляет и шалит молодёжь на колядки, что юных девиц тоска прямо-таки аж разбирала.

Накануне узнав, что Палашка намерилась в эту ночь сбежать и тоже предаться колядным потехам, паненки и вовсе загрустили. А запретить ей им было совестно. Меж собой Мария и Гражина не раз вели речь о том, чтобы тоже погулять в Рождественскую ночь. Но вот дальше мечтаний дело не шло: они и позволения не решились бы спросить у пана Ружеви́ча. Принадлежавшие к другому сословию, девицы прекрасно осознавали, в какой свет им разрешено выходить. Да вот только здесь, в глухом Полесье, этого света настолько мало, что юные паненки просто задыхались от нехватки общения – хоть светского, хоть просто человеческого.

В таком вот минорном настроении семья Ружеви́чей встречала Рождество.

И вдруг на дворе дружно завелись собаки, а через минуту послышался странный шум, какие-то стуки, топот. Собаки уже просто разрывались от яростного лая.

За столом в панском доме все испуганно переглянулись и замерли.

В столовую вбежала оторопелая прислуга.

– Что там происходит? – строго спросил пан Ружеви́ч.

– Дык... ето... – замылась кухарка, а потом вдруг разом и выпалила: – Коза пришла!

Палашка, вскочившая следом за кухаркой, в подтверждение возбуждённо закивала головой. Было заметно, что прислуга взволнована, но вот волнение это было явно не из тревожных. А Палашка – та и вовсе не могла сдержать тянущиеся к ушам уголки губ.

Затрепетали молодые паненки, ну очень уж им хотелось чего-то яркого в этот праздничный вечер.

Что за коза явилась под окна панского дома, все сразу же поняли. А вот как принять ее – ждали решения главы семейства. Как-то уж непривычно было, чтоб колядующие дерзнули заявиться на панский двор.

Решение вельможного пана зачастую зависело от его настроения. Вот и сейчас никто с уверенностью не мог сказать, как он поступит: примет колядующих по христианским обычаям, или прикажет гнать со двора непрошенных гостей.

И вдруг у крыльца зазвенела звонкая песня – неожиданная, задорная, колядная!

Сёння Ангел к нам спустився  
И пропел: «Христос родился!»  
Мы пришли Христа прославить,  
Всех вас с праздником поздравить!

Все с нетерпением и даже прямо-таки с какой-то мольбой в глазах воззрились на пана Ружеви́ча. Даже Софья Николаевна, встретившись взглядом с супругом, едва заметно улыбнулась и так же незаметно чуть кивнула головой в знак согласия.

– Ну что ж, – видя нетерпение в глазах семьи, важно произнёс Ружеви́ч, – не пристало нам отверзаться от поющих во славу Христа. Пойдёмте посмотрим, что там за коза к нам пожаловала.

Паненки сорвались с мест – где и приличия благопристойные делись – и кубарем понеслись в переднюю, а затем, наспех накинув на плечи что под руку попало, выскочили из дома. Не особо задержались и все остальные. Загоревшимся взорам вываливших на крыльцо людей предстало живописное зрелище.

Гурьба молодёжи с целую дюжину, вырядившись кто в простые одёжки, а кто в животных рожки, ножки да кожи, дружной ратью выстроилась перед крыльцом; многие хлопцы щедро разукрасили себя сажей, при этом было явно заметно, что сажи они нисколечко не жалели; некоторые умудрились прицепить себе бороды из кудели, и поэтому были похожи то ли на леших, то ли ещё на каких-то сказочных персонажей. А вот девчата в этот вечер были беспощадны к буракам: их щёки даже при свете месяца выделялись густым румянцем; две девчины затейливо украсили себя пёстрыми лентами. В середине колядующих хлопец, словно ратный стягоносец, высоко над головами держал на длинной палке объёмную восьмиконечную звезду. Внутри этой звезды, обтянутой белым тонким холстом, горела свеча, создавая удивительное впечатление: казалось, что светится вся звезда! Но особенно приковывала к себе всеобщее внимание коза! Вывернутый шерстью наружу кожух придавал удивительное сходство человеческой фигуры с животным. Маской на лице служил кусок овчины – тоже шерстью наружу – с прорезями для глаз и рта. А вот рога для козы где-то раздобыли настоящие – не из бересты скрученные и не из гнутых палок вырезанные, а самые что ни на есть козьи. Одним словом, коза была всем на зависть хороша, да и, судя по всему, с немалым норовом!

Ещё раз спев песню во славу Христа, колядующие принялись и за хозяев.

Добрый вечер тому, кто в этом дому,  
А в этом дому пан хозяин на покуте,  
Да на покуте, сам весь в золоте!  
Ему жити-быти, да пиво варити,  
Пиво варити, да сына женити,  
Горелку гнати, дочку замуж давати!  
Счастья всем вам чашу полненьку,  
Чтоб доля ваша была дюже годненька!

Глаза панночек горели и искрились, искрились и горели от представшего перед ними дивного зрелища. Не любящая шумных компаний Софья Николаевна на этот раз была настолько тронута, что на глаза невольно навернулись слёзы. Пан Ружеви́ч довольно крякал и уже прикидывал про себя, как бы это отблагодарить этих молодых крестьян, догадавшихся так кстати скрасить им праздничный вечер. Ну а прислуга, кто постарше, вспомнив свою молодость, подпевала, хлопала в ладоши и ухала вместе с колядующими. Но больше всех была рада Палашка. Ведь это её друзья и товарки прибыли сюда, хотя она и сама век такого не ожидала. А то, что даже она не могла сразу признать, где кто, её крайне забавляло.

Видя, что хозяйева впечатлены проводимым обрядом, колядующие и вовсе воодушевились. И ещё звонче зазвенели под ясным месяцем колядные напевы! Нигде ещё колядующим не удавалось так легко и задорно петь, плясать, веселить хозяев и веселиться самим!

Колядуем, колядуем!  
Мы горелку носом чуем!  
Оком мы закуску бачим  
Не дадите – мы заплачем!

Сразу после этого куплета коза до того потешно начала голосить, чтобы ей дали горелки и закуски, что даже сам Ружеви́ч, внешне старавшийся сохранять полагающуюся ему важность, не удержался и, махнув рукой, от души рассмеялся. Хохотали и гости и хозяйева. Одни были рады, что в такой праздник им подарили отличное настроение, другие – что всё так удачно вышло. А ведь каждый из колядующих в душе сомневался: не погонят ли, не натравят ли собак. Всё и так ловко получилось, а тут ещё пан Ружеви́ч отправил супругу с кухаркой за угощением. На радостях девчата начали выдавать такие затейливые запевки, от звонкости которых даже голосистые собаки-дворняжки стыдливо приумолкли.

Радостная Палашка бросилась обниматься со своими подружками. Вот она подбежала и к хлопцу со звездой.

– С Рождеством тебя, Кузька! Молодцы, что придумали так!

– Это всё Ефимка! – перекрикивая шум, довольно сообщил Кузя. – В деревне завтра все лопнут от зависти!

– Это уж точно! А где ж он сам? – Палашка повертела головой. – Что-то не видно его.

У Кузи вдруг улыбка сошла с лица, и он невесело сказал:

– Беда с ним приключилась...

– Какая ещё беда? – испуганно удивилась девка, и сердце её обмерло. Обмерло не оттого, что ей нравился Ефимка, а вообще... Как-то не укладывалось в голове, что вокруг веселье и радость, а у кого-то может быть беда.

– Мне даже страшно тебе говорить, – вздохнул Кузя.

– Неужто из родных кто помёр? – со страхом спросила Палашка.

– Хуже... – совсем огорчённо сказал хлопец. – У него сегодня на голове рога выросли...

– И, заметив, как перекошилось от ужаса лицо девки, Кузя не засмеялся – он просто заржал от хохота, и если бы не звезда в руках, то, наверное, и упал бы со смеху.

Палашка ещё несколько мгновений оторопело смотрела на хлопца, и лишь потом до неё дошло, что это розыгрыш.

– Тьфу на тебя, дурень! – чертыхнулась она и в придачу наградила шутника увесистой затрещиной. Так, для порядку.

– Ты чего?! – продолжая хохотать, притворно возмутился Кузя. – Не веришь? Гляди вон, какие кренделя выдает – и рогами и ногами. Хотели ещё и хвост ему прицепить, так упёрся, не захотел почему-то. А с хвостом вообще красавцем был бы... – И вдруг опять став серьёзным, он доверительно добавил: – Он тебя, Палашка, посоромелся.

– А я-то тут при чём? – вдруг стушевалась девка, опять не замечая давившего Кузю смеха.

– Как при чём?! Ефимка побоялся, что с хвостом он будет... на тебя походить. И везде будут думать, что это не коза пришла, а ты. И угощений меньше дадут.

На этот раз Палашка уже ничему не удивилась, а, сама рассмеявшись, лишь махнула на Кузю рукой и весело сказала:

– Ну что с дурня взять? На него даже обижаться грех.

– Ну и правильно! После Святков будешь обижаться, а сейчас пошли-ка лучше глянем, чем нас тут попотчуют. – И оба с весёлым настроением подошли ближе к крыльцу.

Колядующая артель получила щедрое угощение на панском дворе. Поблагодарив и пожелав этому дому добра и счастья, все вместе на прощание пропели:

Полно нам у вас колядовати,  
Далей пойдём мы гуляти!

Когда колядующие повернули со двора, Палашка подбежала к панночкам и начала что-то жарко нашептывать. Переглянувшись, те недолго о чём-то советовались, после чего Мария кинулась к матери, затем все вместе подошли к пану Ружевицу. Как это ни странно, но пана Ружевица долго упрашивать не пришлось: у него сейчас было отличное настроение и можно было просить что угодно.

– Ладно уж, на Рождество надо всем веселиться, всем людям вместе. Идите уж посмотрите, как народ колядует, да не забывайте, кто вы такие. Чтоб с достоинством себя...

– Благодарствуем, папенька! – Даже не дав отцу договорить, Мария радостно чмокнула его в щеку, и молодёжь бросилась собираться на гулянье – яркое, весёлое, колоритное, а для некоторых... сладко-волнительное.

Присоединившись к козе под началом Ефимки Асташова, паненки поражались красочности и самобытности происходящего. Палашка далеко от паненок не отходила и с запалом объясняла им, что означают те или иные действия обряда. Гражинка и Мария немало слышали о колядовании, но сегодня они не только воочию увидели и узнали много чего нового, но даже сами участвовали в этом обряде, любуясь всей привлекательностью Рождественских колядок.

Но не одними песнями, плясками и представленьями живёт праздничный вечер. В это время позволяет и попроказничать слегка. И балуют хлопцы! Вытворяют для веселья причуды всякие, но такие, чтоб обиды крепкой люди не имели – Рождество ж всё-таки. А творились озорные проказы как бы в подражание разыгравшейся нечисти, которую по поверьям Бог на радостях, что у него родился сын, выпустил погулять. Вот и гуляли хлопцы вовсю! У кого поленницу дров опрокинут, кому ворота подпрут, чтоб хозяева поутру с трудом на улицу попали, а кому, забравшись на крышу, дымоход перекроют. Всё это придавало деревенским колядкам ещё больше самобытности и веселья.

Гражинка любовалась не только обрядовыми сценами. Она слишком уж часто бросала взгляды на главную виновницу веселья – козу. Паненка боялась поверить в то, что эта коза-проказница её волнует чуть больше, чем следовало бы. Благородная панночка всячески отгоняла от себя крамольные мысли, приписывая свой интерес исключительно артистизму, с которым селянский хлопец забавно подражал выходкам норовистой козы. Но чем дальше проходило колядование, тем чаще и продолжительнее задерживались взгляды девушки на этом ряженном персонаже. И если бы не всеобщее внимание к козе, то многие заметили бы, что отнюдь не праздный интерес светился в глазах благородной паненки.

Обряд колядования подходил к концу, и поздним вечером начиналась не менее интересная и приятная часть гулянья: колядующие угощались собранными за вечер гостинцами. Гурьба направилась к одной из девчат, у которой родителей сегодня не было дома: они гостили

в другой деревне. Конечно же, колядующие позвали с собой и Палашку, а уж присутствие паненок в их компании и вовсе делало всем честь.

В хате было тепло. Начавшая чадить лучина распространяла аромат сосновой смолы.

Девчата вынимали и раскладывали собранные за вечер угощения.

– Тут целый пир можно закатить! – глядя на кочующую из торб богатую добычу, воскликнул один из хлопцев.

– Так мы сейчас и закатим, – сказал Ефимка. – И выпивка есть и закуска, а главное, душа просит веселья!

– Верно! – поддержал его Кузя. – Я сейчас ещё один лучник установлю, чтоб лучше было видно, кто выпить не захочет. – При этом он хитрым взглядом обвёл девчат, не пропустив и Гражинку с Марией.

Молодёжь расселась за столом-большаком, но всё равно места было мало и приходилось сидеть в некоторой тесноте. Ефимка сидел во главе стола, где обычно в семьях сидит батька, а возле него усадили паненок – ну не в пороге же их размещать! Ефимка хоть и был неискушён в сердечных делах, но быстро заметил весьма заинтересованные взгляды паненки Гражины в свою сторону. «А она красавица, – подумал хлопец, но тут же сам себя и одёрнул: – Хороша Маша, да не наша!»

Ярко светила лучина в двух лучниках. В хате стоял оживлённый шум. Довольные хлопцы и девчата наперебой обсуждали похождения сегодняшнего вечера, и глаза у всех лучились весельем. Но вскоре разговоры дошли и до страшилок. Рассказывались жуткие истории и загадочные события. Конечно же, не остался в стороне и случай с Бусляями. Ефимка в который уж раз рассказывал об этом, не преминув, конечно же, сгустить краски. Полумрак и установившаяся гробовая тишина придавали истории особый колорит. И хотя у всех волосы от страха на голове шевелились и было непомерно жутко, но завораживающий интерес оказывался сильнее. Все готовы были слушать такие истории хоть до утра.

В этот вечер хлопцы и девчата вели разговоры, шутили и веселились совсем как взрослые. Пригубив чуточку панского вина, многие по-новому воодушевлялись, глаза искрились. Мир казался прекрасным и волнующим. И вино здесь было вовсе ни при чём. Просто вчерашняя детвора почувствовала один значимый момент: пора детства безвозвратно уходит в прошлое, и у них начинается новый, самый интересный период жизни.

Гражинка это тоже чувствовала. Её волновала близость Ефимки, но она была отнюдь не глупа и прекрасно осознавала: ничего общего у неё с этим селянским парубком быть не может. Нет! Конечно не может! Но... как это объяснить сердечку, которое волновалось, когда Ефимка обращался к ней? Почему на паненку находила грусть, если она замечала далеко не равнодушные взгляды многих девчат на вожака компании? «Нет! Глупости какие-то! Навоображала я тут черте что! Это просто от сильных впечатлений за вечер, – в который уж раз Гражинка мысленно одёргивала себя. – Мне надо лишь развеяться от однообразной жизни в имении – и всё!»

Гражинка говорила совсем мало; она увлечённо смотрела, слушала и... завидовала. Да, Гражинка завидовала простоте общения, живости и непринуждённости, с которыми беззаботно говорили и хохотали в этот вечер деревенские хлопцы и девчата. Эх, паненка! А задумалась бы ты о чёрных буднях селянской молодёжи – от зависти и следа б не осталось! Хотя... обе обедневшие паненки уже и сами начали познавать всю «прелесть» крестьянской доли.

Как-то само собой получилось, что проводить паненок до фольварка пошли Кузя и Ефимка. Было весьма удивительно, что никто из них не чувствовал себя скованно. В эту волшебную ночь паненки, заливаясь смехом от рассказов хлопцев о своих проделках, чувствовали себя счастливыми, особенно Гражинка. Но вот и фольварк. Пришла пора расставаться.

Совсем неожиданно Ефимка вдруг наклонился и чмокнул Гражинку в щеку! Все на некоторое время оторопели и даже испугались. Этого никто не ожидал. Даже сам Ефимка не понял, что его дёрнуло совершить такую дерзость.

– Это ещё раз с Рождеством! – нашёлся он. – И вас, Мария, тоже с Рождеством.

Марийка не успела опомниться, как тоже получила «чмок» в щеку, и все непринуждённо засмеялись.

Паненки отдали должное находчивости Ефимки. Они прекрасно понимали, что «поздравление с Рождеством» – удачная отговорка, а «чмок» для Марийки так и вовсе получился за компанию. Но всё равно у обеих девушек на душе стало трогательно. Этот вечер, пожалуй, был одним из лучших в их жизни.

А вот Кузя на подвиг с «рождественскими поздравлениями» не решился и сказал просто:

– Выходите иногда погулять со всеми. Сегодня-то не жалеете, что пошли с нами козу водить?

– Нам никогда не забыть этот праздничный вечер, – вырвалось у Гражинки, – и особенно... козу! – Щёки паненки запылали! Она поняла, что проговорилась! Но общее радостное настроение сгладило намёк, а сумрак не выдал её замешательства.

Дома паненки долго ещё не могли уснуть. Они были как никогда довольны и радостны.

Но, как это ни странно, в эту праздничную ночь далеко не всем было радостно...

## Глава 7

В праздничный вечер по Берёзовке ходила ещё одна успешная коза. Эту козу водили уже хлопцы и девки постарше. И только две совсем молоденькие девчушки, казалось, не подходили этой компании. Их, а вернее, одну из них, красавицу Олесю, пригласил Семён Карнаух, старший сын Демьяна. А вторая, Катька, была её подружкой и поэтому тоже оказалась тут.

Семён по кличке Рябой был старшим в этой компании как по возрасту, так и по главенству. Он хоть и имел «рябую» кличку, но веснушки, из-за которых его так ещё мальчишкой прозвали, оставил в детстве. Но и с веснушками и без них Сёмка всё равно пригожестью не блистал, зато был хлопцем из «багатай», как говорили в деревне, семьи.

Вот этот хлопец Сёмка и запал на совсем ещё юную Олесю. Ну очень уж она ему приглянулась. А пора обзаводиться семьёй давно уж подоспела. Почти все сверстники Сёмки уже с семьями, а он со своими батьками<sup>12</sup> всё гадали да перебирали, кого ж лучше взять. О желании избранницы никто не задумывался – за «багатага» любая пойдёт. Долго тогда батьки думали-рядили о судьбе сына, и наконец выбор их пал на дочку Якова – Олесю. Сёмка такому волеизъявлению старших был тогда несказанно рад, так как уже и сам не сводил глаз с этой девки.

Не откладывая судьбоносную затею в долгий ящик, Сёмка Рябой чуток ещё поприглядывался и, видя, что может опоздать, скоренько приступил к ухаживаниям за избранницей.

Олеся, польщённая вниманием небедного кавалера, в конце концов позволила ему пока лишь быть рядом с собой, отчего Сёмка Рябой был на седьмом небе.

Олеся...

Эта девушка неожиданно для всех вдруг расцвела такой буйной красотой и девичьей нежностью, что многие хлопцы готовы были многим пожертвовать лишь за одно её ласковое слово, за один благосклонный взгляд. Хотя Олеся и была из семьи простого селянина, но её красоте, стати и манере держаться могли позавидовать даже многие паненки. Наверное, матушка природы многих обделила, собрав столько достоинств в одном этом человеке. Не по годам здравый рассудок Олеси сыскал ей среди сверстников уважение. Даже старшие хлопцы и девки частенько прислушивались к её слову.

Более взрослые хлопцы первые начали увиваться вокруг юной красавицы. Но у девушки хватало ума и сметливости так отваживать липнувших ухажёров, что никто из них и в мыслях не держал на неё обиды, а тем более злости. Но крепости берутся приступом, и после многочисленных попыток один только Сёмка Рябой добился того, что юная Олеся не избегала его и наотрез не отклоняла его ухаживания. Это хлопца сильно обнадёжило, и он из кожи лез вон, чтобы полностью завоевать сердце расцветшей красавицы. Именно по этой причине Олеся с подружкой и оказались в компании старшей молодёжи.

Олеся шла рядом с Сёмкой и точно знала, что многие девчата хотели бы быть на её месте. Это льстило девушке, и ей казалось, что так бывает у счастливых пар.

Сыновья Демьяна Карнауха входили в когорту наиболее почитаемых на деревне хлопцев. Чувствуя рядом братское плечо, а их было пятеро, у них часто проскальзывали черты заносчивости и высокомерия – недалеко, видать, яблочки упали от яблони. Хотя и были хлопцы Карнаухи с виду плюгавые, зато женихами считались завидными. А ведь многие бедные девчата просто мечтали о зажиточном муже – хоть и невзрачном, да чтоб на столе было смачно.

В колядующей гурьбе под предводительством хлопцев Карнаухов козой вырядился один из средних братьев. Старший, Семка Рябой, важно носил звезду. Несколько голосистых девчат делали колядующую ватагу Демьяновых хлопцев самой успешной по сбору угощений. На радо-

---

<sup>12</sup> *батьки – родители (бел.)*

стях молодёжь даже решила навесить ближайший хутор Ивана Сороки, крепкого и щедрого хозяина. Он сам приглашал хлопцев заглянуть к нему.

Шли весело, заодно творя по пути проказы более каверзные, чем принято – всё равно люди припишут это Ефимке Асташову.

И только шумная компания вышла за околицу, как впереди все заметили смутную фигуру одинокого путника, идущего навстречу.

– Занятно, кто это в такое время один разгуливает за околицей? – заинтересовался Семён. – Неужто тоже ходил на хутор колядовать? Чудно, однако... Небось из Асташонковой шайки кто-то не побоялся сбегать в одиночку.

– А это мы сейчас мигом разузнаем, – ответила коза, – а заодно и потешимся. Ночью, да ещё и ряженые – нас век никто не узнает!

Обрадовавшись назревавшему развлечению, возбуждённая толпа убавила шум и с затаенным интересом двигалась навстречу прохожему.

Сёмка Рябой всё время старался быть рядом с Олесей, и даже звезду вроде бы в шутку, но с превеликим удовольствием часто держал над головой красавицы.

В морозную ночь лишь только снег сдавленно хрипел под ногами, завидуя величавому месяцу в небе, завидуя недостижимым звёздам... Как же ему хотелось быть тоже там, в вышине, поближе к небесам! И он ведь был там, но... упал! Упал на грешную землю, и не в силах скрыть собою творимых здесь согрешений, он стонал под поступью вездесущего Зла, он зубами скрипел от беспомощности! А люди радовались: «Ой, снежок как славно скрипит!» Да-а уж...

Тёмная фигура человека приближалась. Уже было видно, что в Берёзовку тяжёлой походкой идёт не хлопец, а мужик в годах. Ну и чёрт с ним! Для потехи сойдёт и пожилой селянин. Ещё и забавнее будет!

Как только колядующие поравнялись с прохожим, к нему под ноги неожиданно с диким визгом прыгнула коза. Перепуганный крестьянин, никак не ожидавший такого, потешно подпрыгнул и тут же отскочил на несколько шагов в сторону, едва не завалившись в снег.

Раздался дружный хохот.

– Тьфу, злыдни, вашу мать! – в сердцах выругался мужик.

Только теперь все узнали в прохожем Михея Цыгана. Однако это нисколько не смутило весёлую компанию. Когда молодая кровь играет, то всё нипочём! А если, оставаясь неузнанным, ещё и учудить что-то можно, удаль свою показать перед девчатами, то грех такой случай упускать.

– О, а кто это тут у нас колядует один?! – нарочито писклявым голосом начала причитать коза. – Видать, погано пел и плясал, раз ничего не наколядовал! А ну-ка, хлопцы, покажем, как надо колядовать! А заодно и научим недареку петь и плясать!

Поглубже нахлобучив шапки на глаза, чтобы наверняка быть неузнанными, хлопцы весело поддержали забавную идею:

– Покажем! Научим!

И пошла дикая пляска вокруг Михея. Особенно усердствовал Семка. Бросая разгоряченные взгляды на Олесю, он старался каверзными выходками выделиться среди хлопцев. А тут и девчата начали задорно выдавать куплеты, что ещё больше распалило плясунов. Хлопцы уже начали тянуть и оторопевшего Цыгана в безумный хоровод.

Весёлой гурьбой молодые сейчас даже и не вспоминала о каких-то там опасениях старших по поводу странностей Михея. А если бы и вспомнили, то только б посмеялись над трусливостью односельчан. Сейчас им было весело и беззаботно, и, казалось, никто и ничто не сможет унять их куража. И чем дальше, тем бесцеремоннее становилось поведение молодёжи.

Михей наконец оправился от испуга, и ему быстро надоело разыгравшееся представление. Он попробовал было образумить разошедшихся плясунов и певуний.

– Довольно! Недосуг мне с вами тут пляски устраивать! Ровню шукайте себе, да и куражьтесь, сколько влезет, а от меня отцепитесь!

– Так мы ж не знаем, научили тебя, дядька, плясать или не! – запыхавшись, закричал во всё горло Семка Рябой. – Вот спляшешь нам, тогда и пойдёшь своей дорогой!

– Давай, пляши! – Ещё азартней завертелась коза вокруг мужика. – Постарайся – мы тебя, может, и с собой даже возьмём! Нам как раз не хватает цыгана-козовода! Будешь у меня зади ходить! Ха-ха-ха!

Смеялась коза. Смеялись все. Только Цыган, набычившись, тяжело и недобро сопел. И вдруг он угрожающе произнёс:

– Пошли прочь... подобру-поздорову...

Так уж получилось, что негромкие слова Михея были произнесены в одну из немногих пауз устроенной вакханалии и были услышаны почти всеми. Словно опомнившись, молодёжь на некоторое время застыла, а вернее, их кураж в мгновение ока был сбит словами Михея. Лишь коза, не расслышавшая и не уловившая угрозы, продолжала носиться вокруг Цыгана, пытаясь побудить его к какой-нибудь курьёзной выходке.

– Ну, ты будешь скакать или не?! – коза в который уж раз игриво, но весьма сильно толкнула Михея в бок. – Давай! Мы хотим плясать!

Вдруг заметив, что произошёл какой-то конфуз, коза тоже остановилась и с недоумением начала оглядываться на притихших товарищей. Хлопец в обличье козы хотел было уже спросить, что случилось, как раздалось слова прохожего:

– Плясать захотелось? Ну что ж, попляшете... Молодые, вам-то можно и до утра плясать... ночь большая. И ваше счастье, что сегодня такой праздник, а то бы вы у меня не так поплясали... – Михей молча прошёл сквозь застывших колядников, оставив их в некоторой растерянности. Он явно что-то бормотал, и этот шепот вдруг наваял на хлопцев и девчат недоброе предчувствие. Они стояли в безмолвии и с тревогой смотрели вслед растворяющейся в темноте фигуре.

Но замешательство было недолгим, ведь сегодня такая радость! Не пристало в такую ночь предаваться нелепым суевериям.

– Да и хрен с ним! – бодро воскликнул Семка. – Айда лучше на хутор.

И ожившая гурьба дружно поплыла к темнеющему впереди лесу, с новой силой набираясь задором и радостным настроением.

Идти по лесу молодёжь нисколько не опасалась. Это был даже не лес, а заросли низинного кустарника. Вот если б надо было двинуться в сторону Волчьего мха, то тут, конечно, никому и в голову такое не пришло бы. А вечерняя вылазка на хутор Ивана Сороки представлялась не чем иным, как весёлой прогулкой, о которой будет интересно потом рассказать всем. Единственное, что немножко озадачивало колядующих, – это надобность делать значительный крюк, идя по наезженной санями дороге вокруг болота и кустарника.

– А чего нам круги отмеривать?! – громко сказал Семка Рябой. – Низина ведь сейчас замёрзшая, двинем напрямик через заросли – и живо будем на месте. Тут-то пройти всего ничего!

Смеясь и шутя, все согласились.

– Тут где-то и тропка должна быть. Если пешком, то Сороки на хутор зимой только напрямки и ходят. Там ещё и дуб на возвышенности посреди зарослей стоит, вот через то место и должна проходить стежка.

Шум, громкий говор и весёлый смех непрошеными гостями заявили в сказочное царство ночной тишины. Потревоженная природа обиженно задышала порывами ветра, недовольно нахмурилась набежавшими облаками, скрывшими месяц. И совсем уж неожиданно посыпал лёгкий и пушистый снежок, который, вопреки недовольству природы, добавил людям ещё больше радости и восторга.

Хлопцы наконец нашли едва заметную в сгустившейся темноте тропку, ответвляющуюся от санного пути. Свернули на неё.

– Тут надо один за другим идти, – сказал Сёмка. – Стежка даже узенькая.

И вереница людей змеёю вползла в темнеющие заросли. Шум заметно поубавился, не было слышно и смеха. Сначала движение давалось довольно свободно, но вскоре тропинка и вовсе стала едва заметной, а тут ещё и снег этот сыплет – запорошило всё. Ветки уже хлестали на каждом шагу, и иногда приходилось прямо-таки продираться сквозь них.

– Зря мы сунулись сюда, – раздражённо высказался кто-то из хлопцев.

– Не трясись, – властно унял его Сёмка Рябой. – Где-то тут должна быть поляна с тем дубом. Вот выйдем туда, а там уж и хутор рядышком.

Многие уже тоже начали было сожалеть, что выбрали кротчайший путь. По дороге оно и надёжнее и спокойнее было бы. Но уверенность Сёмки придала компании твердости. А тут еще шагов через двадцать и в самом деле выбрались на небольшую полянку на возвышенности, в середине которой стоял огромный дуб.

– Ну вот! – облегчённо вздохнул Сёмка. – Осталось почти ничего. Можно считать, что уже пришли. Готовьте кайстры<sup>13</sup> для угощений.

– Так надо бы замочить это дело, – предложил один из хлопцев. – И место знатное!

Все одобрительно загудели насчёт «замочить», но Сёмка строго сказал:

– Это надолго затянется. На хуторе нас до полуночи ждать не станут, спать лягут. Всё! Сейчас быстренько на хутор, а потом уж хоть до утра можно и пировать. Пошли! Тут уж рукой подать!

Все с некоторой неохотой потянулись за Семкой, хотя в душе, конечно же, понимали: он прав.

«Рукой подать» до хутора почему-то слишком уж затянулось. Молодёжь пробиралась сквозь заросли, которым не было ни конца ни краю. Многие начали недовольно роптать.

– Сёмка, а мы хоть правильно идём? – тоже забеспокоившись, спросила Олеся.

– Да, кажись, правильно, – ответил Рябой, но вот уверенности в его голосе уже не чувствовалось. – Хоть бы месяц выглянул, что ли...

Вся компания, включая и самого Сёмку, теперь уже точно сожалела не только о том, что пошли напрямик, а и вообще, что решились идти на этот чёртов хутор. Сейчас сидели б где-нибудь все в тёплой хате да веселились с горелкой и закуской, а так вот приходится лазить в темноте по зарослям непроходимым. И где те треклятые стежки-дорожки? Вот уж незадача! И это в такой-то вечер!

Но вот облако сошло, и месяц, к радости людей, снова показал свой выгнутый серебряный бок. А тут и просвет впереди определился – зарослям конец!

– Всё! Пришли! – радостно объявил Сёмка. – Сейчас выйдем на опушку и сразу к Соркам. И так уж припозднились.

– Сёмка, назад по дороге двинем! – бодро заявила коза. – И сдались нам эти «напрямки»!

– Верно, – поддержали в толпе.

– Да я уж и сам об этом подумал, – ответил Рябой, выбираясь из зарослей. – По дороге будем идти с песня...

Не договорив, Сёмка неожиданно замолк. Подталкивая один другого, выходили и все остальные.

– Что за чертовщина такая?! – изумлённо произнёс кто-то из хлопцев.

Обцарапанные и уставшие от долгого плутания по заснеженным зарослям хлопцы и девчата оторопело глядели на... высокий дуб посреди поляны, возле которого недавно были.

<sup>13</sup> кайстра – сумка, котомка.

– Это что ж получается, – испуганно раздался ещё один голос, – леший нас кругами водил, что ли?

– Я... н-не знаю, – растерянно ответил Сёмка. Похоже, он был напуган больше других.

– Ну, и что дальше будем делать?

И воцарилась тишина. Все стояли, подавленные произошедшим. Как такое могло случиться, что целая орава хлопцев и девчат заблудили в небольшом перелеске?! Уж это точно отдавало какой-то чертовщиной, но признать такое было жутковато – пусть уж лучше будет, будто просто сбились с тропинки.

– Что бы то ни было, а выбираться отсюда всё равно придётся, – вдруг тихо и, казалось, совсем спокойно произнесла Олеся. – Хоть к хутору, хоть назад в деревню. И чем быстрее, тем лучше. Не стоит нам дожидаться тут полночи.

Вот тебе и малолетка! Слова Олеси придали всем решимости, и толпа загалдела, обсуждая куда идти. То ли от растерянности, то ли ещё от чего, но с точной уверенностью никто не мог сказать, в какую сторону надо двигаться. И это всего в какой-то версте от родной деревеньки! Да сельчане в любое время дня и ночи без труда ориентируются в знакомой местности! Что-то здесь было не то...

Указывались разные направления, в какую сторону надо идти, и каждый был уверен, что именно он прав.

– А может, попробовать на дерево взобраться, – опять произнесла Олеся, – да и глянуть, в какой стороне хутор или деревня.

Хлопцы удивлённо переглянулись: почему это им не пришла в голову такая простая затея? Все, словно по команде, ринулись к дубу. Втроем хлопцы посадили своего самого юркого товарища до первого сука, а дальше он уже как белка быстро вскарабкался выше.

– Ну что там? – раздалось с земли.

– Деревня далековато, – ответил наблюдатель, – а хутор совсем рядышком. И везде окошки светятся. И на хуторе и в деревне! Ух, краса-то какая! Огоньки такие маленькие, будто точечки!

– Ладно, «краса», в какую сторону идти-то надо.

– На хутор – туда! До него вообще близенько!

Стоявшие внизу довольно ясно различили, куда указывала рука.

Недолго посоветовавшись, молодежь двинулась в сторону хутора. Теперь уже все всматривались в окружающие заросли, следя, чтобы опять не свернуть куда-нибудь в сторону. Шли вроде бы в намеченном направлении, но через некоторое время всех снова начало тревожить слишком уж долгое шествие по бесконечным зарослям.

– Черт, ну где ж тот хутор? – часто повторял Сёмка, и его слова уже больше напоминали нытьё.

– Вот-вот должны уже выйти. Не могут же быть бесконечными эти кусты! – подал голос один из хлопцев: – Вокруг надо глядеть! Окошки вдали должны светиться. Огоньки шукайте.

Теперь все всматривались в ночной сумрак в надежде заметить огни человеческого жилища. Но пока всё было безрезультатно.

– Вон! Вижу! – радостно вскрикнула одна из девчат, указывая рукой далеко в сторону от того направления, куда они двигались.

Сквозь заросли и в самом деле иногда мелькали далёкие отблески маленьких слеповатых окошек крестьянской хаты.

– Ну, наконец-то! Вот теперь и я вижу!

– Точно, окошки в хате Сороки! – Другие тоже заметили далёкие огоньки.

– Во как нас снова в сторону занесло! Хорошо, что хоть хутор заметили, а то опять невесть куда забрели бы.

Не глядя на цепляющиеся колючки и сучья, все на радостях беспорядочно ринулись к хутору. Буквально через несколько десятков шагов заросли внезапно закончились, и молодёжь с радостью выскакивала на опушку – выскакивала и останавливалась как вкопанная... Потрясённые люди застыли в оцепенении. Они снова стояли на полянке с одиноким дубом!

– Господи! Да что ж это такое? Я же ясно видела огни! – запричитала одна из девчат.

– И я видел!

– Да все видели! Неужто всем померещилось? – раздавались возгласы, в которых уже явно чувствовались оттенки паники.

– Не померещилось... – с дрожью в голосе произнёс один из парней. – Вон они, ваши огоньки...

Все повернули головы, и дикий ужас оседлал каждого: чуть в сторонке, едва ли не рядом, стояли волки! Волчьи глаза, отражая свет месяца, зловеще мерцали желтовато-фосфорным светом. Вот они – «далёкие огоньки крестьянских хат». У потрясённых людей от страха даже разум ооченел! Их нервное напряжение вот-вот готово было разрядиться истеричным верещанием.

Почти одновременно с людьми на опушку вышла и волчья стая – семь особей. Взгляды людей и хищников пересеклись. Для тех и других эта встреча была настолько неожиданна, что люди и звери застыли в крайнем замешательстве. Установилась необыкновенная тишина – звенящая тишина! Неопределённость давила и тех и других: а что будет сейчас?! С людьми то понятно – их сковал страх, а вот волчья стая была изрядно обескуражена! Она не учуяла, не обнаружила немало скопления своих извечных врагов. Такого с волками ещё не случалось!

И хотя людей было достаточно много, чтобы не опасаться хищников, но у страха-то глаза ох как велики! Всем вдруг показалось, будто вся поляна кишит волками, и они готовы вот-вот растерзать людей!

У одной из девчат нервы не выдержали, и она разразилась диким визгом. Резанув по натянутым нервам, этот неожиданный визг окончательно ввел людей в панический ужас, и вслед за первой девкой завизжали и закричали остальные. Тут уж в общем безумии и хлопцы сорвались, подсобив девчатам срывающимися на хрип неокрепшими баритонами. Округу оглушил душераздирающий вопль людей.

И вздрогнул сонный лес! И вздрогнула стая! Уши прижали хищники от такой странности людской. Вся звериная сущность сжалась в трепещущий комок. Непомерно страшно стало волкам, ибо сейчас даже самый изошрённый и грозный враг их – человек, сам, похоже, был до смерти напуган! Такого волкам ещё не доводилось наблюдать! Получается, и на человека кто-то может устроить охоту! Вот уж неожиданность для зверей! И задрожало звериное чутьё...

Волки не раз встречались с людьми, и это их звериное чутьё почти всегда безошибочно определяло, исходит ли от человека угроза. Они никогда не приблизятся к охотнику, но в то же время могут спокойно пройти рядом с грибниками, дровосеками или другими людьми, не помышлявшими причинить им зла.

Сейчас звериное чутьё металось в растерянности. Оно уверенно подсказывало, что этих истошно ревуших людей опасаться не стоит, но какой-то обострённый инстинкт самосохранения просто кричал волкам, чтобы поскорее уносили отсюда ноги!

Это людям надо постоянно талдычить об опасности, чтоб уберечь их самих, – и то не всегда доходит. Для зверей же достаточно было и первого посыла, чтобы они нутром почували неладное! В этом лесочке они явно уловили присутствие чего-то зловещего! И это нечто цепко держало и кружило людей в зарослях, в то время как лесных обитателей неведомая сила коснулась довольно осторожно, заставив стаю лишь немного изменить маршрут охотничьей тропы и выйти именно в это место. Выйти для того, чтобы надменные люди смогли заглянуть в глаза хищников и увидеть там всю свою беспомощность перед лицом непознанной силы.

И вот он – владыка природы! Человек! Дрожит от страха, и голос его срывается от крика неумного! Ну и где ж твоё хвалёное величие, Человек?! Где делось твоё высокомерие, которое часто просто прёт из тебя?! А-а, ты полнишься этими чувствами только тогда, когда прячешься за спиной безопасности! Ну так за тысячелетия истории пора бы уж усвоить, Человек: в мире немало есть сил, чтобы обуздать твои пороки! Но эти силы для твоего же блага всегда дают тебе шанс опомниться, покаяться, исправиться. Да вот только гордыня твоя не всегда позволяет внять наставлению свыше! Что ж, каждый вправе сделать свой выбор сам, по своему желанию! Вот только воздаваться потом будет уже не по твоему желанию, а по делам твоим! Каждому по заслугам! Всё, что ты сеешь, Человек, придется сторицей самому и пожинать! А ведь зачастую бывает, такого в жизни наворотишь, что и детям твоим достанется сполна хлебнуть горя на родительской ниве греховной. Жизнью это уже давно доказано...

Поджав хвосты, волки поспешили покинуть ночную поляну, на которой сейчас властвовал не просто мороз, а какой-то зловещий, неземной холод. Стае здесь делать было уже нечего. Люди пусть сами разбираются со своими злоключениями.

– А, зайцы серые, испугались грозного крика нашего! – в нервном срыве завопил Рябой вслед уходящим волкам.

Один из волков оглянулся на истеричный выкрик человека. Даже то, что стая, повинувшись каким-то своим законам природы, сама покидает скверное место, человек приписал себе в заслугу! Человек, ну почему бывает так трудно достучаться до твоего благодушия?!

Сверкнув лунным светом в глазах, зверь остался равнодушен к дальнейшей участи людей.

Нет, с людьми ничего страшного не случилось. Было ещё несколько безуспешных попыток вырваться из заколдованного круга, но лишь только с рассветом измученные, ободранные и напуганные люди со слезами радости увидели наконец околицу своей Берёзовки. Словно стадо баранов, они оступело бросились к жилью. И никому из них в голову не пришла самая простая мысль: «А почему это случилось именно с нами? И вообще, что это было?» И это не говоря уж о более правильном вопросе: «За что?!»

Редкие прохожие с удивлением смотрели на странную гурьбу молодёжи, растянувшуюся на довольно большое расстояние. Измученные и подавленные, хлопцы и девчата сейчас мечтали только об одном: быстрее домой и на печь!

– Эй, хлопцы-девки, што ето вы умаянные такие?! – как всегда с подозрительностью, но уже весёлой, выкрикнул Панас. – Неужто пирогов колядных объелись да бегали ночь с портками в руках?

Но не до шуток было молодёжи, все прошли мимо Панаса, не поддержав его весёлого настроения.

И лишь один селянин, стоявший в сторонке, угрюмо спросил:

– Ну, и как... отвели душу? Вволю наплясались?

Никто ничего не ответил ему, да и о встрече с Михеем почему-то никто из молодёжи не помнил...

## Глава 8

Назавтра после шумного и весёлого колядного вечера берёзовская молодёжь с запалом делилась впечатлениями. И как всегда, в таких рассказах краски намеренно сгущались, всё преувеличивалось и преподносилось гораздо комичнее, чем было на самом деле. Но от этого никто не страдал, а вот смеху и восторга знатно прибавлялось. Вот только те, кто водил козу с Демьяновыми хлопцами почему-то были сдержанны и хмуры.

Особенно усердствовала в своих рассказах Палашка. Она взахлёб делилась с каждым встречным-поперечным о походе козы к пану Ружевицу; сверстникам хвасталась, как хорошо посидели после колядования, и, конечно же, с особой гордостью не могла не отметить, что вместе с ними были и паненки. Довольство прямо-таки распирало Палашку, когда она видела в глазах слушателей неподдельную зависть. Заметив вдруг на лице Олеси лёгкую тень грусти, она участливо спросила:

– Ну а вы как поколядовали? С Сёмкой-то завсегда ж кайстры полные бывают...

– А-а, даже и не спрашивай... – махнула рукой Олеся. – Всего перепало нам с Катькой. Чтоб знали, так лучше бы с вами пошли.

– Что так?

– С Сёмкой кайстры, может, и полные бывают, да вот в душе как-то пусто... Не такой он, как с виду кажется...

Палашка удивилась словам Олеси, но промолчала, что было совсем не присуще ей, стрекотливой сороке. Она была уже наслышана о «лесном колядовании».

Зато паненкам настолько по душе пришёлся вечер, что они уже наперебой расспрашивали Палашку об очередных значимых праздниках, в которых будет гулять молодёжь.

– А чего ждать каких-то праздников, – задорно ответила та, – сейчас же целых две недели как один праздник! И у нас есть чем заняться.

После встречи Рождества наступают праздничные дни, святые вечера, или, как их называют в народе, Святки. Именно для Святков народное воображение рисует удивительно пестроцветную вязь поверий, обрядов, гаданий, обычаев и различных примет. Этот период времени – двенадцать дней от Рождества до Крещения – замечателен тем, что на Святки крестьяне не делают никакой значимой работы – грех! Да и особой-то работы в зимние дни у них нет. А вот навестить родственников, кумовьев, соседей – не то что можно, а нужно, тем более что и сорокадневный пост закончился!

На святочные вечера в Берёзовке издавна с особым размахом проводились молодёжные посиделки. По договорённости собирались в одной из наиболее просторных хат. Девчата и хлопцы пели весёлые песни, устраивали пляски, забавы; нередко вечер встречали с чаркой да с яичницей на двенадцать желтков.

И уж ни одни Святки не проходили без гаданий! По народному поверью только в эти дни можно наиболее достоверно заметить и истолковать выпавшие знаки, приметы или другие необычные пророческие явления.

На Полесье гадальные ритуалы довольно разнообразны и многочисленны. Гадали и на урожай, и на суженых, и на здоровье, и на многое другое. Но для всех видов гаданий есть некоторые общие условия. Так, наилучшим местом для таких ритуалов считалось нежилое помещение – баня, овин, какая-то отдельная комната. По времени, безусловно, подходил только вечер или ночь, а лучше всего – полночь.

Так уж повелось, что святочные гадания больше интересовали девчат. А посему и главные темы гаданий – суженые, сроки замужества, судьба. Но не всегда и не каждой являлся вещий знак, поэтому и отношение к гаданию у всех было разное: одни верили в него и надеялись на благой знак судьбы; другие видели в этом мистическое развлечение не для слабонерв-

ных, а некоторые и вовсе боялись гадать, потому как верили, что при святочном гадании вызывались души усопших, и встреча с ними не всегда могла пройти благополучно.

На Святки самым распространённым и в то же время самым опасным занятием является гадание по зеркалу, а так как не у каждой крестьянской семьи было зеркало, то девчата частенько вместо него использовали бадью с водой. Единственным источником света должна быть свеча. Также для гадания с зеркалом существуют и обязательные условия: девушка в помещении должна быть одна или, в крайнем случае, подружки должны находиться поодаль и не производить ни единого звука; на гадающей не должно быть пояса, нательного крестика; волосы обязательно должны быть распущены – никаких кос и никаких ленточек-скидочек. Все эти условия уже сами по себе навевали ощущение опасной таинственности, отчего многие впечатлительные девицы при гадании нередко дрожали от страха, а то и вовсе, бывало, лишались чувств. Но как бы ни брал страх, а всё равно тянуло прикоснуться к мистическому таинству, заглянуть в будущее, пощекотать нервы острыми ощущениями!

И вот Палашка с широко раскрытыми глазами сообщила паненкам об очередном захватывающем намерении деревенских девчат – гадание на Святках! Гражинка и Мария настолько заразились идеей тоже погадать, что сразу же заверили Палашку в своём участии. А Палашке это только и надо было. Она опять будет всем хвастаться, что водит компанию с паненками – это ведь не прислуживать у них дома.

Пан Ружевиц и на этот раз снисходительно отнёсся к просьбе детей и разрешил Марийке и Гражине заняться гадальным баловством, но только не в деревне в такой-то поздний час, а дома, во флигельке. Так спокойнее. Тут уж хоть всю ночь напролёт пусть сидят.

Желающих провести вечер за святочным гаданием в обществе паненок было хоть отбавляй, и Палашке пришла в голову затея собрать свою, избранную компанию. Невзрачная, она наконец-то хоть тут почувствовала в себе некоторое превосходство над остальными берёзовскими девками – ей предстояло решать, кого выбрать в компанию гадальщиц.

Вскоре уже вся деревня знала, что для святочных гаданий набрался весьма завидный круг девчат: Олесья с Катькой, обе паненки, несколько девок постарше и, конечно же, сама затейщица. Все уже знали, что гадать девчата будут в панском флигельке и по настоящему зеркалу. От такой заманчивой затеи даже многие хлопцы стали вдруг яркими поклонниками гаданий: всем хотелось добраться до панского флигелька. Но Палашка была непоколебима, и так уже многовато набралось девчат, а чем больше молодёжи, тем незаметнее будет она сама.

Деревянный флигелёк стоял отдельно от дома и больше походил на захлавленную кладовую. Палашка приложила немало усилий, чтобы привести его в довольно сносную горенку. Паненки тоже с удовольствием ей помогали. Всякую рухлядь сложили по сторонам, и посреди комнаты образовалось достаточно свободного места. Мебели почти не было. Напротив дверей ютился лишь один стол, сиротливо прильнувший к стене с застекленным окном. Вместо стула подставили перевернутую рассохшуюся дежку<sup>14</sup>.

– Может, окно завесить чем-нибудь? – спросила Марийка.

– А-а, – махнула рукой Палашка. – Тут у вас чужаки не ходят, а посему и подглядывать никто не будет. Да и зеркалом ведь почти всё оно закроеется.

На том и остановились. А стол даже застелили старой постилкой. Принесли зеркало, восковую свечу. Всё было готово. Осталось дожидаться вечерней зорьки.

А деньки-то зимние ох как коротки! Не успеешь оглянуться, а зимняя небесная нива уже и заколосилась буйно звёздами! Вот бы полесскому крестьянину такой урожай! Но нет, не стоит горемыке надеяться на небеса, ничего оттуда ему не упадёт! Бедняка ночное небо могло лишь порадовать своим звёздным кружевом. Ну, и на том спасибочко.

---

<sup>14</sup> дежка – маленькая бочка, кадка.

Первой к зеркалу села Вольга – одна из видных и почитаемых на деревне девок. Она была постарше, и ей не впервой заниматься гаданием на Святки; Вольга лучше других знала, что и как нужно делать. Остальные толпились поодаль у порога и наблюдали, стараясь всё запоминать. Им даже хорошо была видна часть зеркала, прислоненного к окну. Прямоугольное, в деревянном витиеватом обрамлении оно и в самом деле закрывало собою почти всю нижнюю часть окна.

Отражаясь в зеркале, испуганно горела восковая свеча. Липкий полумрак затаился в каждом закутке небольшого помещения. И в этих закутках вместе с дрожанием свечного пламени, словно живые существа, устрашающе ворочались и сгустки темноты.

Вольга уверенно начала готовиться к проведению гадального ритуала. Высвободила из-под хустки густую копну волос, волнами раскинувшуюся аж до перехвата<sup>15</sup>. Сняла крестик, тоненький поясок. Немного посидела, глядя в зеркало, потом уселась так, чтобы в отражении хорошо виднелось левое плечо: именно в том месте, за плечом, должен появиться вещий образ. Всё было готово. Наконец, собравшись с духом, девушка тихо вызвала суженого-ряженого. Ждала долго. Ждала она, ждали и все остальные. Но... в зеркальном отражении суженый-ряженный почему-то не соизволил предстать.

Стоявшие поодаль гадальщицы ещё не настроились на сегодняшнее таинство: кто-то перешептывался; паненки в нетерпении пытались издали заглянуть в зеркало. На тех и других Палашка цыкала, чтобы не шумели, а в итоге получалась совсем не подходящая для такого занятия обстановка.

Безмолвной тишины соблюсти пока так и не получилось, отчего первая попытка гадания прошла немного скомкано и безрезультатно.

– Домна, иди-ка ты попробуй. – С некоторым разочарованием встала из-за стола первая гадальщица. – Моё время ещё не пришло. Полночь – вот что надо для настоящей ворожбы.

Перед зеркалом весело и без всякого трепета уселась другая девица. Приготовившись к гаданию и нарочито напустив на себя загадочный вид, она трижды произнесла заветные слова:

– Ряженный-суженый, приди ко мне, незамужней!

На этот раз все девчата уже угомонились, поудобней пристроились, и во флигельке, наконец, установилась подобающая тишина.

Собравшимся гадальщицам не терпелось увидеть что-то явно чудодейственное, но где-то в глубине души почти все, кроме наивных в этом деле паненок, всё же считали гадание ребячеством. Ведь за весь свой гадальный опыт даже самая натрелая Вольга не могла с уверенностью утверждать, что когда-либо наблюдала ясное видение. Ну, являлись несколько раз какие-то расплывчатые образы, так назавтра она и сама уже в этом сомневалась. Да и что там разглядишь в воде! Зато потом Вольга с жаром рассказывала о жутком или же приятном видении, а главное, чётком и ясном. Ну а как же не преувеличить да не настращать товарок!

У гадающих всегда живёт и одновременно пугает надежда: а вдруг сегодня что-то произойдёт! А вдруг только мне явится вещее видение!

Но... пока тишина.

Домна уже начала поглядывать на девчат, мол, кто следующий, как вдруг свеча сильно затрепетала; по зеркалу медленно поползло туманное запотевание, на смену которому вскоре начал проступать человеческий облик.

Хотя все вроде бы и ожидали чего-то такого, но появление в зеркале довольно чёткого видения застало девчат врасплох и напугало безмерно. Ведь это было необъяснимо! Это было настоящее колдовское явление! Вот уж неожиданность! Впрочем, меньше всех испугались паненки: они-то думали, что так и должно быть, что так происходит при каждом святочном гадании.

---

<sup>15</sup> *перехват – талия.*

Сидящая перед зеркалом Домна вдруг странно повела плечами и начала опускать голову.  
– Домна, очнись! – с тревогой закричала более опытная Вольга.

Кто-то из девчат бросился было к теряющей сознание девке, но Вольга вцепилась ей в руку.

– Не подходи к ней! – В расширенных глазах Вольги стояла неподдельная тревога! И если уж она переполошилась, значит, что-то пошло не так! Всех обуял ужас.

– Домна, мы тут! Не отрывайся от нас! – уже просто орала Вольга. – Отправь его назад! Всего три слова: чур сего места! Ты же знаешь!

От громкого крика подруги Домна встрепенулась и с огромным усилием едва смогла прошептать нужные слова. Через некоторое время она уже непонимающе вертела головой и, судя по всему, не совсем понимала, что же произошло.

– Слава те Господи, – облегчённо вздохнула Вольга и перекрестилась.

Словно опомнившись, истово закрестились и остальные.

– И... что это было? – шепотом спросила Палашка.

– Я сколько вам всем толковала: при появлении чего-нибудь, не надобно долго таращиться в зеркало, – глядя на Домну, в который уж раз поучала всех Вольга. – Малость разглядели – и будет, сразу оберег-слова молвите.

– Как-то вылетело из головы, – виновато проронила Домна. – Как явился хлопек тот, так и запомнявала про оберег-слова.

– «Запомнявала»! – язвительно передразнила Вольга. – Ещё чуть-чуть – и пришлось бы попа звать...

– А при чём тут поп? – не поняла Марийка.

– А при том, что поп уж ничего не запомнят, когда отходную править будет...

Все испуганно переглянулись и, втянув головы в плечи, затихли.

Насчёт отходной Вольга, конечно же, погорячилась, а вот с душой какая-нибудь беда запросто могла бы приключиться. Ведь по поверью зеркало считается проходом в другой мир, где обитает всякая нечисть. Вот поэтому и бытовало мнение, что при неправильном гадании зеркальное видение вряд ли заберёт человеческую жизнь – она ему без надобности, а вот душу или хотя бы частичку её может прихватить. Ну и как потом человеку жить без души?!

– В видении-то хоть признала кого-нибудь, – уже более спокойно спросила Вольга, – или тоже не до этого было?

– Так... вроде как и похож на кого-то... – растерянно пожала плечами Домна, – а вроде и чужой кто-то. Не успела...

– Что не успела?

– Так разглядеть же и не успела. Он как глянул на меня из зеркала, мне и томно сделалось...

Вольга глубоко вздохнула. Честно говоря, она и сама не ожидала такого поворота.

– Ну что, на сегодня, может, хватит вам переполоха, или ещё кто желает погадать? – тоном старшей строго спросила она.

Тишина.

– Я погадаю.

Измученные девчата уставились на Гражинку.

Вольга с минуту стояла в раздумье. Не дай бог, что случится – спросится с неё. Пан Ружевич дал наказ именно ей приглядывать, чтоб даже испуга какого не вышло при их-то баловстве. Вот тебе и баловство! Вона оно как вывернулось! А время-то к полуночи близится, тут и не такое может стать...

– Ладно... гадайте, панночка, – с опаской всё же согласилась Вольга, – да помните про наказ: узрели суженого или кто там явится – и быстренько избавляйтесь от него. Неровен час вместе с ним в зазеркалье и шагнёте.

– Не шагну. И о словах защитных помню.

– Ну, тогда с богом.

Сама не зная почему, Гражинка села перед зеркалом в полнейшем внутреннем спокойствии. Без лишней суеты она выполнила необходимые приготовления и, произнеся нужные слова, вызвала суженого.

Затаив дыхание, все тоже издали уставились в зеркало. Во флигеле воцарилась мёртвая тишина.

Долго ждать не пришлось. Пламя свечи заволновалось. По зеркалу снова пошла туманная зыбь. Гражинка ещё пристальней взгляделась в отражение над своим левым плечом и внезапно в последний момент испугалась: «А вдруг появится образ Ефимки, и все узнают о её тайне! Это будет ужасно!» Гражинка представила, как все начнут с хитринкой задавать каверзные вопросы и строить непристойные догадки. Нет, Гражинка этого не хотела! Ей хотелось, чтобы все её мысли о Ефимке были лишь наивными фантазиями! Впрочем, этого больше хотело благоразумие, но только не сердце...

А меж тем зеркало прояснилось! Что-то изменить уже было поздно и невозможно! И вот он – знак судьбы! Девушка встретилась взглядом с довольно привлекательным юношей, судя по всему, благородного происхождения. Гражинка с облегчением перевела дух. А вот сердце её взволнованно встрепенулось. Девушка ещё несколько мгновений пристально вглядывалась в явившийся образ и уже разомкнула губы, чтобы произнести защитные слова, как раздался возглас:

– Так это же брат мой, Зибор!

– Точно, панич! – подхватила Палашка.

Эти возгласы лишь на мгновение смутили Гражинку.

– Чур сего места! – повелительно произнесла она, и образ слишком уж быстро пропал. Никто не заметил, что ещё за мгновение до произнесённых защитных слов видение как-то странно искривилось и уже само начало исчезать.

Девчата облегчённо вздохнули и воспрянули настроением.

– Вы молодец, Гражинка, – похвалила Вольга.

Во флигельке произошло заметное оживление. Благополучно прошедший ритуал добавил девчатам уверенности. Началось негромкое, но бурное обсуждение явившегося паненке суженого.

– Так ты мне теперь будешь не только наречённой сестрицей, – задорно сказала Мария.

– И панича так ясно было видно! – промолвил кто-то.

– Кажись, и ничего особенного, а всё равно жутковато...

– Так, теперь я гадаю! – раздался решительный возглас Олеси.

Что ж, всем тоже хотелось узнать, что ждёт первую красавицу Берёзовки. А уж Олесе и подавно не терпелось заглянуть в своё будущее. Но она кое-чего опасалась: она страх как не хотела увидеть в зеркале Сёмку! От такого суженого, хоть и зажиточного, девушка точно будет не в восторге.

Усаживаясь перед зеркалом, полная решимости Олеся грозно подумала: «Вот сейчас и погляжу, что там мне судьба уготовила! Пусть паненка рода знатного, зато по красоте она мне не чета, так что и я могу рассчитывать на достойного суженого или хотя бы на славный облик в зеркале!» Олеся настроилась узреть видение не менее значимое, чем являлось Гражинке, но вдруг какой-то внутренний голосок испуганно заныл под самым её сердцем, застонал жалобно, пытаясь отговорить хозяйку от этой поганой затеи. Только где уж тут найдёшь уздечку на ретивое сердечко, да ещё в шестнадцать-то годков!

Как и предыдущие гадальщицы, Олеся выполнила все необходимые деяния, подготовившись к ритуалу. Вот только тревога насчёт Сёмки всё сильнее теребила её: хоть бы не вылез

он в зеркале! Ну не хотелось Олесе быть Сёмкиной половинкой. После злосчастных колядок она уже совсем по-другому смотрела на своего ухажёра.

Глубоко вздохнув, Олеся трижды возвышенно произнесла:

– Ряженный-суженый, приди ко мне, незамужней!

Ждали долго. Чуть потрескивая, свеча лишь немного заволновалась и – ничего! А время-то для гаданий самое что ни на есть подходящее – полночь, поди, уже.

– Зови ещё, – тихо сказала Вольга.

В который уж раз во флигельке раздаётся девичий голос, с надеждой взывающий к тайным силам о посыле вещего знака. Олеся снова произносит заветные слова. Только на этот раз голос её звучит уже не возвышенно, а даже требовательно. «Ну явись же, ряженный или как тебя там!» – ещё и мысленно взывает она.

И опять все надолго замерли в ожидании.

Но вот затрепыхалось вдруг пламя свечи, затрещало, как будто вода попала на воск. И тут же дымкой туманной полыхнуло по зеркалу, словно кто-то невидимый жаркодохнул на него.

Какое-то шестое чувство девушки вдруг заметалось, закричало внутренним голосом: «Остановись! Что-то пошло не так!» И на Олесю нахлынул дикий страх от предстоящей встречи с видением. «А чего бояться-то?! – лихорадочно пыталась успокоить себя красавица. – Никто же никого в зеркало не утащил, да и слова защитные я помню!» Но тревога росла, и Олеся уже пребывала в таком напряжении, что даже внутренний голос спрятался в самую глубь души. Нет! Совсем уже не хотелось Олесе глядеть на суженого! Необъяснимый страх всецело овладел ею.

А пелена уж с зеркала сползает... Вот и волосы начали проступать по краю запотевшего ореола...

Сердце девичье беспокойно затрепетало. Неужто Сёмку нелюбого судьба тащит ей в суженые?! Но нет, вроде бы не Сёмкины кудри проступают. В самом деле... очень какие-то странные космы...

И схлынула наконец затуманенность полностью, прояснился в зеркале облик! В ужасе неумногм вскрикнула красавица: жуткий звериный взгляд алчно любовался ею из зазеркалья! Не человек! Уродливое существо с жёлтыми глазами ночного хищника смотрело на Олесю. Оно было похоже и на зверя и на человека! В звериных чертах невиданное чудовище имело явную схожесть с волком! Так и есть – это был человек-волк!

Отшатнулась девица от зеркала, срывающимся голосом закричала: «Чур сего места!». Вздрогнуло сердито отражение. Вроде бы и начал нехотя меркнуть ужасный облик, но не выдержала Олеся и опрокинула зеркало на стол. И тут случилось ещё более страшное: упавшее зеркало открыло взорам гадалщиц тёмное окно, в котором, прильнув к стеклу с обратной стороны, жутко смотрело на Олесю это же существо. Не какое-то видение в зеркале, а чудовище наяву! Вот оно, на расстоянии вытянутой руки, жадно раздувает ноздри и из темноты пристально всматривается через стекло.

Раздался совсем тихий грудной рык, словно что-то изумило уродливую тварь, и при этом хищный оскал едва оголил влажные клыки, вид которых окончательно ввёл девчат в заколдованное оцепенение. Полоснув парализующим волю взглядом по обезумевшим от страха гадалщицам, человек-волк снова уставился на юную красавицу. Зловещие глаза просто пожирали Олесю. Казалось, это был взгляд смерти – влюблённой смерти!

Многие смельчаки впали бы в дикий ужас от такой яви, а что уж говорить о суеверной крестьянской девушке. Но не вскрикнула больше Олеся, не завизжала истошно с перепугу – тело её обмякло, и она молча сползла на пол в глубоком обмороке. А уж остальные девчата, плотно сбившись в кучу, разразились таким душераздирающим криком, что, казалось, всё Полесье содрогнулось от этого многоголосого вопля. И чем громче визжали перепуганные девки и паненки, тем больше их охватывало безумство страха.

Отодвинулось существо от стекла, повело мордой вверх, втягивая морозный воздух и упиваясь запахом дикого ужаса людей. Ах, как же этот запах был знаком чудовищу! Это запах, от которого оно испытывало неукротимое возбуждение, ибо он всегда был предвестником самого острого наслаждения – вкуса горячей крови! Хотя, может быть, это был даже и не совсем запах – существо упоённо вдыхало аромат смерти...

Пронзительный крик разбудил людей в панском доме, и вскоре там засветились окна. Послышались встревоженные голоса прислуги и самого пана Ружеви́ча. Услышав голоса хозяев, из-под порога наконец-то опасливо начали тявкать и две дворовые собаки.

Пан Ружеви́ч первый выскочил с ружьём на крыльцо. Бросив встревоженный взгляд на тусклое окно флигелька и, не заметив ничего подозрительного, всё же выстрелил для острастки вверх.

Из флигелька с перекошенными от ужаса лицами начали выскакивать гадалщицы. Вот уж погадали так погадали! Наверное, теперь надолго у них отпадёт охота заглянуть в будущее!

В общей суматохе во дворе незаметно появился и Михей. В отличие от выскочивших из дома полураздетых людей, он стоял полностью по-зимнему одетый и совсем не заспанный.

– А ты где это ночью разгуливаешь? – подозрительно спросил пан Ружеви́ч.

– Да так... Что-то беспокойно было, вот и пошёл на конюшню лошадак глянуть. Мало ли чего...

Выслушав сбивчивый рассказ девчат, люди истово крестились и опасливо косились по сторонам.

– Я ничего подозрительного не заметил, – проворчал Михей, – а вот на душе у меня кошки скребли...

Некоторые из панских слуг недоверчиво зыркали на Цыгана, и у всех их ворочалась примерно одинаковая мысль: «Ага, поди узнай, кто у тебя там на душе скребёт – может, кошки, а может, и волки...»

Взбудораженная Берёзовка назавтра просто гудела, обсуждая и так и этак явившееся Олесе видение. И если б только зеркальное видение! Но как бы то ни было, а все селяне в одном были едины: скверное, дюже скверное предзнаменование выпало дочке Якова. Да ещё и на Святки!

## Глава 9

Рождество и Святки, богатые на яркие события, остались лишь в воспоминаниях. Пугнув зиму, Масленица отметилась ржаными блинами, а затем и Пасха важным гостем побывала на Полесье.

С Олесей ничего не случилось. Немало пролив слёз после святочного видения, она вскоре снова окунулась в привычную рутину селянской жизни. А тут и новые девичьи волнения появились, заставив красавицу и вовсе отвлечься от мрачных мыслей. Вот только Сёмка прицепился как банный лист и всё донимал девку своими ухаживаниями, от которых Олесю уже просто воротило. Мало того, так он ещё и ревностью полыхал, никого из хлопцев и близко не подпускал к девке.

Тепло нежило землю. Природа буйствовала красками, дурманила запахами, волновала весенней порой! Всё радовалось жизни!

Вечерами деревенская молодёжь снова начала собираться на посиделки у костра – любимое развлечение хлопцев и девчат. Проходили такие вечера интересно, весело, душевно, но бывало и по-другому...

Однажды после буйно-весёлых игрищ затихшая ночь услышала странные стенания, а потом и разговор.

– Ничего, ничего... они у меня ещё попляшут. Смелые мне нашлись... – на ощупь вытирая кровь с лица, в отчаянии говорил Ефимка.

– Да-а, втроём на одного – храбрости много не надобно, – соглашался его дружок Кузя и гневно грозился: – Вовремя, собаки, сбежали, а то бы мы их вдвоём враз урезонили! У-у, Рябой, погоди!

– Да я и сам их побью! Выловлю поодиночке – и побью, не погляжу, что старшие... Нос, кажись, сломали... – предположил Ефимка, осторожно трогая нос. – Что-то аж скрипит там внутри... и кровь долго сочится.

– Завтра не будет скрипеть. Так распухнет, что точно не будет скрипеть, – как мог «успокоил» его дружок. – А из-за чего это они мутузить тебя стали? Выслеживали, гады! Дожидались, пока мы разойдёмся, и напали втихаря. Хорошо, что я ещё не отошёл далеко и услышал шум, а то вообще в грязь тебя втоптали б.

– Не втоптали б... – буркнул Ефимка. – Но всё равно... за подмогу спасибочко.

– Да ладно, какая подмога! Только подбежал, а их и след простыл. Так чего ж они взъелись-то на тебя?

– А чёрт их знает... Наверно, из-за Олеси...

– А ты чего, приударить за ней хотел, что ли? – удивился Кузя.

– Да сдалась она мне... Подумаешь, прижал разок. Так мало ли кого я прижимал. Хотя... девка гарная...

– Ага, гарная... да не про нашу честь. Сёмка Рябой вон как начал увиваться возле неё, так хлопцы и получают – кто по делу, а кто и без дела. Чуть глянут ласковой на девку – Рябой с братьями тут как тут... Хотя Олесья ж ещё с зимы сторонится его.

Ефимка и Кузя хоть и были ещё только оперившимися юнцами, но вес среди молодёжи набирали быстро. Особенно Ефимка – более рослый, решительный и видный собою. Его поступки, порой отчаянные и дерзкие, а также ухарская смелость вызывали восхищение не только у сверстников, но и у хлопцев постарше. Им уже приходилось подумать, прежде чем кинуть в адрес дружков скверное словечко. Ещё какие-то год-два назад «старики» смело отпускали им и обидные шутки, и увесистые подзатыльники. Да вышло то время! Набрались силы и смелости вчерашние мальчишки сопливые. Не ровен час дадут и сдачи!

А уж из-за Олеси и подавно уже многие готовы были померяться удалью и силой. Подле такой девки даже самому принцу впору стоять! Да вот только не принц, а Сёмка Рябой вцепился в «его место»!

Рябой – жених, конечно, не из бедных, да и на вид чуть лучше своих братьев, но была у него червоточинка – малодушие. Для серьёзного и рискованного поступка у Сёмки кишка тонка, а проще говоря, Рябой был малость трусоват. Но зато гонором полнился – о-го-го! Это всё Олеся поняла ещё с колядок.

А вот насчёт самой Олеси Сёмка с самого начала был настроен решительно. Немного поувивавшись возле неё, Рябой полагал, что всё уже решено. Раз он небедный жених на деревне, то ни ему, ни его родителям даже и в голову не могло прийти, что какая-то пигалица, хотя и дюже пригожая, не захочет замуж за него. А посему для полного счастья Сёмке осталась «самая малость»: сообщить избраннице радостную весть о своём намерении, а там – сваты и свадьба! Всё! У Семёна Карнауха будет самая красивая женка! Но...

Недолго красивые грёзы тешили тщеславие Сёмки Рябого, не запал кавалер в девичье сердечко. Не волновалось и не замирало оно при виде Сёмки. И особенно это стало заметно после тех злосчастных колядок. Олеся по легкомыслию позволила привязаться к себе Сёмке, всё думала, пусть пока ходит следом, зато другие не будут донимать своим назойливым вниманием. Да и какая-то струнка тщеславия хоть и не звонко, но звенела-таки в душе: на Сёмку ведь заглядывались многие девки. Хотя, по правде сказать, заглядывались больше на зажиточность его семьи.

Первое время всё ещё было как-то сносно, но уже к концу зимы Олесе нестерпимо захотелось поскорее избавиться от нелюбого кавалера. А в последние дни постоянные намёки Рябого на женитьбу и вовсе пугали её: не нагулялась ещё девица на воле. Но главная причина, почему девушке стал в тягость ухажёр, – это ясные васильковые глаза парубка отчаянного, который, случись что, не раздумывая, в огонь и в воду за свою любую пойдёт! И трепетало девичье сердечко при одном лишь взгляде на молоденького бедокура. Эх, был бы Сёмка такой! А то всё про хозяйство да богатство – Олесе такие разговоры и дома уже набили оскомину. И как только начала девица заглядываться тайком на статного и отчаянного сверстника, то опять в душе её зазвенела какая-то струнка, только уже не тщеславно, а сладко и томно! И не надобно было ей уже ни богатства, ни даже мещанской жизни! Господи, как же ей хотелось быть не грустной птичкой в богатой клетке, а вольной орлицей, чтоб вместе в небе парить с бесстрашным и дерзким орлом!

Этот вспыхнувший тайный интерес и манил к себе Олесю и пугал. Беда в том, что она прекрасно понимала: этому озорнику светит весьма туманное будущее. Но ведь сердцу-то не прикажешь!

Олеся запуталась в чувствах и не знала, как ей быть. Своей сокровенной тайной она не решалась поделиться даже с лучшей подружкой Катькой. А вдруг это только разыгравшееся её воображение?!

Однажды не вечерних гуляньях ревнивый ухажёр всё же заметил равнодушные взгляды своей зазнобы, украдкой бросаемые на молоденького хлопца, которого Сёмка и в мыслях не мог представить как соперника. А напрасно! Жизнь – штука непредсказуемая, и очень уж она обожает всякие «сюрпризы»!

Переполошившись, Сёмка спешно заявил своим родителям, что готов жениться и притом чем быстрее, тем лучше. Демьян, делая снисхождение Якову – батьке Олеси, – сообщил ему о намерении своей семьи. И каково же было удивление Демьяна, когда вместо безмерной радости и благодарности, Яков обыденно сказал, что его дочке ещё рано замуж. Возмущению Демьяна не было границ! Он-то думал, что стоит ему поманить пальцем – и любая побежит за его сына. Ан нет! Это стало неприятной неожиданностью для всей семьи Демьяна. Хорошо, что хоть

сдуру сватов сразу не заслал, а то получил бы Сёмка Карнаух гарбуза<sup>16</sup> и стал бы посмешищем на всю деревню!

Но после этого Сёмка Рябой ещё настырнее стал «опекать» Олесю. Он сделался настолько раздражителен и невыносим, что бедной девке было уже в тягость его присутствие даже в большой компании.

Сёмка не дурак, он видел, он чувствовал, что его ухаживаниям и надеждам приходит конец. А тут ещё голодранец этот в молодёжных забавах так и норовил схватить именно Олесю. И её, похоже, это не особо смущало! Самолюбие Рябого было уязвлено! Сильно уязвлено! Уж такую наглость Сёмка Рябой терпеть не стал, и расплата последовала в тот же вечер. Наглец получил как следует, но по большому счёту чужими руками, что и было свойственно старшему сыну Демьяна.

И вот теперь сидел потрёпанный «орёл» и шмыгал разбитым носом, а друг его Кузя всё негодовал, но потом вдруг мечтательно произнёс:

– Эх, были бы мы побогаче – тоже смело к таким девкам, как Олеся, подходили б.

Ефимка промолчал. Это он и сам добре знал, но сильно и не расстраивался. Или, может, хотел убедить себя в том, что ему всё равно. Олеся – девка красивая, но сердце она ему вроде как не особо и волновала. «Красивая да и красивая... Подумаешь! Навалом таких красавиц! – заносчиво думал Ефимка, тщетно пытаясь уверить себя в верности своих мыслей. – Или всё же волнует?.. Ну... может, только чуть-чуть...» И чем больше хлопец думал об этой девушке, тем яснее осознавал: себя не обманешь, а сердце своё – и подавно! А ему влюбиться в эту девку – беда! И как ни старался Ефимка выкинуть из головы образ Олеси, похоже, эта «беда» уже вцепилась в него как репей.

– Это так оставлять не годится, – Кузя прервал размышления товарища и тут же решительно спросил: – Кали бить будем?

– Успеется... Никуда не денутся. – Ефимка не спешил. Он уже знал твёрдо, что долги будет возвращать...

Отношения Олеси и Сёмки вконец расстроились. А тут ещё и Ефимка с друзьями раздал долги. И так уж вышло, что синяки и ссадины на теле Ефимки полностью сошли, зато на его обидчиках закрасовались броско и даже живописно.

То ли от ответной трепки, то ли от понимания безнадёжности своих попыток, но надо отдать должное Сёмке, он быстро всё понял и больше не волочился за Олесей.

Казалось бы, новая любовь должна была вспыхнуть ярко и красиво, но не так всё просто и быстро! У Ефимки были свои печали. Неуверенность постоянно точила его. О том, чтобы завоевать внимание красавицы Олеси, он мог только мечтать. Слишком беден был хлопец, слишком противоречивая слава неотступно следовала рядом с ним в обнимку. А многие и вовсе открыто ему пророчили: «Острог по тебе плачет, босяк!» И Ефимка трезво осознавал, осознавал с горечью, с тоскливым отчаянием, что он Олесе не пара! Не глянет такая гарная девка в сторону нищего озорника. Ей ведь надобно думать и о будущем. Ефимка всё понимал, и это больно ранило его гордое сердце. Нет! Не глянет!

Но, вопреки всем доводам и сомнениям, сердце Ефимки заволновалось, затрепетало в сладком волнении. Глянула! Твёрдой уверенности, конечно, у хлопца не было, но... как будто глянула!..

В последнее время Ефимка со сладким холодком в сердце начал замечать, что на молодёжных гуляньях и вечерках при встрече взглядами с Олесей, взор девушки задерживался чуть-чуть дольше обычного. А раза два или три, неожиданно оборачиваясь, он и вовсе ловил на себе её пристальный взгляд. И глаза девушки, как показалось Ефимке, имели в тот момент

---

<sup>16</sup> получить гарбуза – отказ при сватовстве.

отнюдь не равнодушное выражение. Особенно это стало заметно после драки с Рябым. Ведь Олеся-то знала, что все эти потасовки были из-за неё, и ей, видимо, это очень даже льстило.

От напрашивающейся догадки сердце парня заходило в трепете. От одной мысли, что не кто-то, а именно он нравится первой красавице Берёзовки, Ефимка забывал обо всём на свете. Окрылённый, он так уверовал в это, что и мысли не допускал о своём просчёте.

И вот сегодня Ефимка твёрдо решил выяснить наконец, на самом деле он нравится Олесе или же всё это плод его влюблённого воображения. Но как выяснить, бедный хлопец и представить себе не мог. Учудить что-либо – пожалуйста, на это смекалки хватало, а вот в делах душевных, да ещё с такой девкой – робел, не знал, как и подступиться! «А-а, будь что будет! Как-нибудь разберусь...» – решил в сердцах Ефимка и попробовал было думать о чём-то другом. Не получалось...

К концу дня за ним зашёл Кузька – первый пособник во всех проделках.

– Ну что, готов? – спросил он с порога.

– Почти. Погоди чуток, я сейчас.

– Да можешь не хвататься, всё равно ещё рано.

Обломанным гребешком матери Ефимка старательно причёсывал смоченные волосы, упрямо топорщившиеся в нескольких местах. Сегодня он особенно тщательно готовился к молодёжной сходке. «Хоть бы зеркальце какое было...» – глядя в воду и приглаживая самый настырный вихрь на макушке, злился Ефимка.

Зеркало селянам зачастую заменяло ведро с водой. Ставили его невдалеке от окна, но так, чтобы оно как можно больше было в тени, а сами, глядясь в воду, старались быть на свету. При таких условиях можно обстоятельно разглядеть свою внешность.

И вот сейчас собственное отражение казалось Ефимке как никогда безобразным и непривлекательным.

– А чего это ты так прилизываешься? – долго наблюдая за дружкой, удивился Кузя.

– Надобно... – раздражённо буркнул Ефимка, но тут же беззлобно добавил: – Ладно, пошли.

По пути они встретили батьку Сёмки Рябого, ехавшего на телеге. После случая с Буслаями Ефимка и Демьян прямо-таки ненавидели друг друга. Да и вообще отношение многих сельчан к Демьяну тогда резко изменилось не в лучшую сторону. Душонка у мужика подленькая, впрочем, как и у детей его, но вот по хозяйству всё у него получалось гладко, во всём был порядок и прибыль. В этом немалая заслуга и его женки Матрёны, которую он изрядно побаивался. А побаивался по причине грозного тестя – жестокого кулака из соседней деревни. Но хоть и грозен был тесть, да Демьян всё равно умудрялся похаживать до кумы своей Ганны, вдовы и матери троих малолетних деток. Ганна – баба ушлая, принимала у себя не только кума. И кроме мужского внимания получала от «гостей» и гроши, и продукты, да и по хозяйству помощь всякую истребывала ловко, благо сама была молодницей завидной. Но её и понять-то можно: жить, детей растить как-то надо было.

Вся деревня знала о похождениях Демьяна, а женка, как это часто водится, пребывала в спокойном неведении. Вернее, долго пребывала в неведении, пока сердобольная подруга не шепнула ей на ушко о тайном интересе благоверного. Наблюдая за взбеленившейся Матрёной, наушница просто исходила умилением и испытывала плохо скрываемое довольство от содеянного.

– Так вот чего он всё помогает куме, а мне талдычит, что деток её жалко! – на усладу подруге, набиралась ярости обманутая жена. – Дома работы невпроворот, а он Ганне новый плетень соорудил! Ну, паскудник, ты у меня получишь!

И получил тогда Демьян! Ох, как получил! Теперь только лишь облизывается как кот мартовский, украдкой бросая похотливые взгляды на хату Ганны.

Вот хлопцы и повстречались с этим каверзным мужиком. Чувствуя за собой некоторую провинность за трепку его ненаглядных сыночков, «мстители» потупили взоры в землю. Хотя ведь не они тогда первые начали!

Демьян волком глянул на хлопцев и злобно процедил:

– У-у, голодранцы... Снова вышли с кистенём на дорогу. Подождите, достанется и вам с лихвой... Кандалы для вас уже готовы. Но-о, пошёл! – Настроение Демьяна испортилось, и, сгоняя злость на коне, он больно перетянул его дубцом.

– О чём это он тут шипел? – не понял Кузя.

– О чём, о чём... Сынки заплакались ему, а он быстрее аж к приставу ездил... Ты что, не знал?

– Не-а... И что теперь? – перепугался Кузя.

– А ничего.

– Так он же п-про кандалы какие-то г-говорил... для нас. – При упоминании о полицейских, бедный Кузя аж заикаться начал.

– Да не трясись ты! – довольно улыбнулся Ефимка. – Ни пристава, ни урядников на месте не оказалось, а какой-то там писарь сказал, что в таких делах сельский сход должен разбираться, – Ефим хитро ухмыльнулся, – а у нас-то этого выюна ох как недолюбливают! Так что не колотись... Интересно, куда это он нацелился?

– В шинок<sup>17</sup>. Опять сегодня наберётся, – злобно проворчал Кузя, зная привычку Демьяна раз в декаду расслабляться за чаркой.

Заметив в словах дружка то ли зависть, то ли осуждение, Ефимка не удержался и беззлобно съязвил:

– А тебе-то что? Были б у тебя гроши, и ты бы так чудил. – Но немного поразмыслив, добавил: – И я бы, наверное, тоже...

– Нема у нас грошей... – вздохнул Кузя и тут же бодро заявил: – А мы и без грошей можем чудить!

Переглянувшись, оба от души рассмеялись, вспомнив свои многочисленные похождения.

Сходив на речку, друзья в сумерках подошли к молодому костру. Ефимка с грустью отметил, что Олеси ещё нет.

– Рябой, наверно, и сегодня не придёт, – с довольным выражением на лице тихо произнёс Кузя. – Да и братух его тоже не видать.

– Поэтому и бесился Дёма, за сыночков своих боится. Да им так и надо: пока синяки не сойдут, будут дома за печкой сидеть, – с такой же довольной физиономией ответил Ефимка. Физиономия-то довольная, а вот на сердце муторно! «И она чего-то не пришла... Обычно в этот час уже здесь всегда сидит, – тоскливо думал хлопец. – Ни её, ни подружки... Может, гуляют где? Может! А где и, главное, с кем?» От таких мрачных мыслей Ефимке и вовсе стало тоскливо. Он даже невольно начал всматриваться в хлопцев и мысленно отмечать, кого здесь ещё нет. Болезненно прикидывая, с кем бы могла задержаться Олеся, он лелеял надежду, что есть какая-то другая причина. А может быть, с подружкой её что, с Катькой! Это, конечно, больше бы устраивало Ефимку, но в голову, как обычно, лезли самые худшие мысли.

– Ты чего это насупился? – толкнул друга в плечо весёлый Кузя.

– Ничего, – угрюмо буркнул Ефимка и незаметно вздохнул.

Кузя недоумённо пожал плечами и, не особо принимая всерьёз понурость друга, весело засокотал от чьей-то шутки.

Вокруг костра собралось уже довольно много молодёжи. Оживлённый гул всё чаще сопровождался задорными выкриками, девичьим визгом и хохотом парней.

---

<sup>17</sup> шинок – небольшое питейное заведение.

Ефимка натянуто улыбался и через силу старался казаться беззаботно весёлым. Но это у него плохо получалось.

– Ефимка, что ты сегодня как в воду опущенный? – заметила одна из девчат. – Что ты нос повесил, что стоишь невесел?! – вдруг ещё бойче, нараспев задела она хлопца, видимо, сама вешавшая нос, глядя на него.

– Тебе показалось! У меня настроение хоть куда! – притворно весело ответил Ефимка, а на душе – тоска зелёная.

Задумчивость Ефимки замечали лишь некоторые девчата, которые вообще замечали за ним всё. Но вот кто-то из них удивлённо произнёс:

– Ой, Катька с Олесей идут!

Сердце у Ефимки взволнованно ёкнуло. Он поднял взор, и... в душу чёрным вороном ворвалось отчаяние: Олеся шла рядом с незнакомым хлопцем; чуть в сторонке их сопровождала Катька, и это сразу бросилось всем в глаза.

Молодёжь сдержанно встретила девчат, всё внимание обратив на незнакомое белобрысого хлопца. Олеся и Катька, словно не замечая этого, непринуждённо влились в привычное окружение.

Как обычно протекал звёздный вечер. Но именно в этот вечер Ефимка чувствовал себя не как обычно. Он пытался было сказать что-то интересное, смешное, но на его слова обращали внимание совсем не те, для кого они предназначались. Олеся, как показалось Ефимке, и вовсе ни разу не глянула в его сторону, совсем не замечала поникшего парубка. Она часто и тихо говорила что-то новенькому, незаметно указывая глазами на кого-нибудь из местных. И вот Ефимка наконец-то поймал и на себе взгляд девушки! Озорной искрящийся взгляд! Но... это было совсем не то.

Олеся, наклонившись к незнакомцу, что-то ему говорила, и оба смотрели на Ефимку. У обоих на лице застыло подобие насмешки.

«Понятно! Рассказывает, какой я непутёвый бедокур! – мысленно вспыхнул Ефимка. – Может, в морду дать козлу этому рыжему? Вмазать, чтоб не ухмылялся так довольно!.. А что это изменит?.. Ничего! Такие девушки, как Олеся, сами выбирают, с кем им быть! Да-а, размечтался дурень! И что это я себе в голову втемяшил?» – невесёлые мысли разъедали хлопца. Вокруг веселье, а на него такое отчаяние нашло, что хоть волком вой! Но выть-то не будешь, а вот подраться иль ещё какой выходкой удивить всех, Ефимке вдруг стало просто невозможно!

– Кузя, – тихо подозвал он друга, – увидишь Дёму – дай знать. Есть затея.

– Понял! – с готовностью отозвался Кузя, и его губы растянулись едва ли не до ушей. Он хитро огляделся и тут же встрепенулся: – О! Так вот же и он! Лёгко чёрт на помине.

Едва различимая в вечернем сумраке, по улице медленно тащиась телега. Это Демьян возвращался из шинка, и, вероятнее всего, опять сегодня он в стельку пьян.

– Собери быстро наших. Я скажу, что делать, – скомандовал Ефимка и сам загорелся азартом охотника.

У костра сразу же возникло оживление. Человек семь-восемь самых бойких хлопцев в сторонке сбились в стайку и, кивая головами, внимательно слушали своего вожака. Что-то затевалось!

Олеся занервничала. Она знала, что такие перешептывания почти всегда выливаются в кулачные потасовки. Ни соперников каких-либо, ни недругов здесь не было. А вот новенький – рядом с ней! «Пусть только попробуют!» – мысленно уже пригрозила она и с тревогой тоже стала наблюдать за происходящим. Но, к её облегчению, никто из хлопцев не бросал на её спутника косых взглядов. Значит, затевалось что-то другое. А если всё это задумал Ефимка, то наверняка молодёжь сейчас позабудется! «Ну, Ефимка!» – подумала девушка и перевела взгляд на Катьку...

Ефимка бесшумной тенью приблизился к телеге. Как и ожидалось, на ней лежал Дёма, мертвецки пьян. Храп стоял такой, что сразу и не разберёшь: человек это издаёт такие фырканы или лошадь. Ефимка махнул рукой, и ватага ребят, словно стая воробьёв, подлетела к телеге.

Кто знаком с укладом сельской жизни, для тех не новость, что если хозяин не управляет лошастью, то почти всегда она сама бредёт к дому. У Демьяна это и вовсе было законом. Откуда бы он ни возвращался, всегда только один раз понукал коня и давал команду: «До хаты!» После этого можно было спокойно заваливаться на боковую: лошадь исправно доставляла его домой. И пока телега двигалась, Демьян зачастую спал сном праведника. Как только телега останавливалась, он тут же вскакивал.

Лошадь вскинула морду и испуганно вытаращила глаза на внезапно подскочивших к ней людей. Ефимка взял коня под уздцы и направил его на дорогу, шедшую явно не к хате Демьяна. Несколько человек прямо на ходу начали распрягать упряжь, а остальные бросились куда-то вперёд и скрылись в сумраке. Все действовали слаженно и тихо, и лишь оставшийся позади Кузя едва сдерживал ломанувшуюся следом любопытную толпу. Никто не хотел пропустить забавного зрелища.

Вскоре многие начали догадываться о задумке хлопцев, но что из этого выйдет – любопытство страх как разбирало.

А пока всё шло по плану.

Прямо на ходу хлопцы выпрягли лошадь и завели её за плетень, во двор к Ганне. Телегу же подкатили с другой стороны плетеной изгороди и в проделанные дырки просадили оглобли, вожжи и снова впрягли лошадь.

Ошарашенное животное всё никак не могло понять, что происходит, что это тут такое странное втворяют люди: то распрягают на ходу, то едва ли не на плетень садят, то опять вот впрягают!

Всё это время несколько человек осторожно покачивали телегу, чтобы было похоже, что она движется и чтобы сонное подсознание Демьяна не выдало команду: «Приехали!»

Прошло лишь несколько минут суеты с телегой и лошастью, и перед глазами притаившихся зевак предстала никем ранее не виданная картина: телега въехала в плетеную изгородь, но так, что лошадь каким-то образом оказалась по одну сторону плетня, а сама телега с пьяным хозяином – по другую. Это настолько поражало людское воображение и выглядело так странно, что, казалось, без нечистой силы тут ну никак не могло обойтись.

Хлопцы наконец оставили телегу в покое и тихонько все ретировались. Затаившись, они тоже стали наблюдать.

А в это время в окошко Демьяновой хаты кто-то постучал. Матрёна выглянула – возле порога в нетерпении топтался знакомый малец.

– Тебе чего, Змитрок? – отворив дверь, удивлённо спросила Матрёна.

– Тётка Мотя, там это... ну... Дядька ваш, Дёма...

– Что?! Что стряслось?! – перепугалась баба.

– Да не, ничего не стряслось. Просто дядька Дёма никак не можа заехать к тётке Ганне во двор... Вот! Просил передать, чтоб вы пришли и помогли ему, а то он шибко пьяный, и у него что-то всё не получается... – выпалил заученные слова мальчуган.

– Что не получается? – ещё ничего толком не поняв, со страхом выдохнула баба. Но постепенно осознав смысл услышанного, Матрёна наконец догадалась: «Ну, стервец, опять взялся за старое!»

– Ну... я толком не ведаю, что там у него не получается... Пьяны ваш дядька, а тётка Ганна – не... Вот ён и не можа ничего зрабить. Просил, чтоб вы пришли и помогли ему!

Не успела Матрёна ещё что-либо спросить, как малец уже растворился в темноте.

– Ах ты, кобель паршивый! – только и выдохнула взъярённая баба. – Я вот тебе сейчас «помогу»! – С боевой решимостью она ринулась искать какое-либо «вспомогательное приспособление для оказания помощи», да выбирала, чтоб оно было поувесистей.

Телега остановилась. Демьян засопел, что-то буркнул и вяло сел. Окончательно ещё не проснувшись и находясь в пьяном угаре, он некоторое время сидел с закрытыми глазами. Его водило из стороны в сторону, и он несколько раз встряхнул опущенной головой. «На славу погулял... Но, кажись, маленько перебрал...» – вроде как сам себе говорил Демьян, но заплетавшийся язык выдавал только неразборчивое мычание. Наконец он поднял голову и начал оглядываться. И вдруг застыл! Видимо, пытаясь что-то сообразить, мужик долго пребывал в оцепенении. Всё это время он лишь дико вращал выпученными от происходящей чертовщины глазами. И вот совсем ошарашенный Демьян наконец ожил. Он остервенело начал щипать себя за нос, уши, щёки. Раз за разом тер глаза. Уже и бороду начал дёргать, головой как колотушкой трясти, а странное видение всё не проходило!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.